

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTIONS

ИГОРЬ
АББАКУМОВ

МИР СПАСЕТ СЕБЯ САМ

КНИГА ПЕРВАЯ «Я НАЧИНАЮ ПУТЬ»

Mystic & Fiction

Игорь Аббакумов
Я начинаю путь...

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Аббакумов И.

Я начинаю путь... / И. Аббакумов — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-15-9

В этом мире все было иначе, в нем не случилось известных нам войн и революций, история пошла совсем другим путем. Люди в нем живут сыто и даже богато. Вот только сам мир похож на унылое болото, с каждым годом все больше зарастающее тиной. Везде царят либеральные «ценности», отрицающие все человеческое. О чем речь, даже в Российской империи – рай для либералов, истово ненавидящих все чистое и светлое, мечтающих, чтобы люди окончательно превратились в разумных животных, озабоченных только собственным благополучием и не смеющих стремиться в небо. Но некие силы решили встряхнуть застоявшееся болото, и в нем появляется человек из нашего бушующего мира – женщина, оказавшаяся на некоторое время в теле местной девочки и научившая ее, что такое никогда не сдаваться. Именно ей предстоит взять за шкурку сытый мир и, невзирая ни на какое сопротивление, потащить его вверх, к звездам.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906827-15-9

© Аббакумов И., 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Игорь Аввакумов

Мир спасет себя сам. Книга первая. «Я начинаю путь...»

Посвящаю моей дорогой супруге Аббакумовой Т. В.

Автор также благодарен Алексеевой-Минасян Т. С. за оказанную помощь при написании произведения и Щербаковой И. П, которая и является прототипом главной героини

Предисловие

*Прекрасное далеко,
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока
В прекрасное далеко,
В прекрасное далеко
Я начинаю путь.*

Припев песни «Прекрасное далеко из фильма «Гостья из будущего»

– Мисс Майрон, не хотелось бы этого делать, но, находясь на службе Ее Величества я обязан. – Произнеся это, сэр Джон Лексингтон вышел из-за стола и, подойдя к Марии, протянул ей лист бумаги. – Ознакомьтесь, пожалуйста.

Внимательно прочитав документ, Мария узнала, что Контрольная комиссия Священного Союза Монархов по Североамериканским территориям сочла дальнейшее пребывание подданной Российской империи Марии Мироновой на подведомственной ей территории неуместным.

А посему ей предлагалось в течение двадцати четырех часов с момента ознакомления с решением Комиссии покинуть Североамериканские территории.

– Сэр! Я ознакомилась с содержанием этого... документа. Пожалуй, вы правы: мне тут больше делать нечего. За сим позвольте распрощаться.

– Погодите. Это не все. Мне нужна ваша подпись о том, что вы ознакомлены с документом.

– Чудесно! Где расписаться? – Достав из сумочки «паркер», Маша оставила подпись в указанном месте. – Я свободна?

– Минуточку, мисс Майрон! Право, неудобно вас просить... Но не будете ли вы столь любезны, оставить мне на память автограф? – С этими словами сэр Джон протянул ей пахнущий свежей типографской краской сборник стихов Джона Киплинга.

Озорная мысль, при виде суконого выражения морды-лица британского комиссара, была немедленно реализована при помощи все того же «паркера». Ровным каллиграфическим почерком Мария вывела на форзаце:

*O say, can you see, by the dawn's early light,
What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?
Whose broad stripes and bright stars, through the perilous
fight,
O'er the ramparts we watched, were so gallantly
streaming¹*

Ниже кириллицей, на русском:

На долгую память от Марии Мироновой.

Потом дата и известная уже на всех континентах подпись.

Как выяснилось, господин комиссар не зря протирал задницу на службе Ее Величеству. Что это за стих, он понял прекрасно. Поэтому вместо возмущения в его глазах промелькнуло понимание:

– Забавный автограф. Трудно было ожидать от вас чего-то иного. Чтобы вы не тратили зря времени, я предоставлю вам свой автомобиль и охрану. Секретарь уже заказал вам билет на самолет.

А затем он лично проводил ее к служебному автомобилю и вежливо распрощался. Стоило отъехать от резиденции британского комиссара, как охрана и водитель тоже попросили ее оставить им свой автограф. И конечно, на сборнике стихов Джона Киплинга. Раздавать автографы налево и направо давно уже стало для Марии привычным делом. Правда, теперь писать куплет крамольной, забытой самими американцами песни она не стала. То, что чиновники высокого ранга сочтут допустимой правилами приличия экстравагантностью, рядовым служакам вменяют в вину. Это ей в свое время объяснила Ирина Павловна. Поэтому просто дата, подпись и расшифровка подписи.

Доехав до отеля, она поднялась в свой номер и быстро собралась. Ну, как быстро? Собрать вещи и одеться она смогла минут за двадцать, а вот пристроить как следует парик на голове и наложить на лицо косметику – на это потребовалось много времени. Но она справилась и с этим. А дальше – рассчитаться и снова в машину. Ни водитель, ни охрана не выразили никакого недоумения по поводу того, что вместо голубоглазой светло-русой девушки в машину села жгучая брюнетка в солнцезащитных очках. Их столь примитивным способом с

¹ Скажи, ты видишь в первых лучах рассветаТо, чему мы отдавали честь в поздних сумерках?Эти широкие полосы и яркие звезды в чаду битвыНад бастонами под нашими взглядами, реющие так отважно?Официальный гимн США «Стяг, усыянный звездами». (Примеч. ред.)

толку было не сбить. Профессионалы! К тому же они понимали, что Марии просто хочется избежать навязчивого внимания со стороны окружающих. Что поделать? Неизбежная плата за славу и популярность.

Всю дорогу она молчала. Молчали и сопровождающие. И лишь в международном терминале аэропорта Сан-Франциско водитель, помогавший ей сдавать вещи в багаж, тихо сказал, перед тем как попрощаться:

– А ведь я с Джоном Кипплингом когда-то вместе тянул лямку в SAS². Потом судьба нас развела. Когда я первый раз смотрел «Алькатрас», то, увидев вас вместе с ним, решил, что вы и вправду его дочь. Вы так похожи. Жаль, что это не так.

Потом ей пришлось ждать рейс. Впрочем, скучно не было. Выяснилось, что если ее маскарад вполне годился для того, чтобы ввести в заблуждение окружающих пассажиров, то службу безопасности SFO³ парик и косметика с толку не сбили. Дело даже не в особой проницательности местных секьюрити. Просто регистрацию на рейс она проходила под своим именем. Ну а проследить за интересным пассажиром с помощью системы мониторинга труда не составляло. Поэтому посидеть в тишине и спокойствии более получаса не вышло. Подошедшие охранники вежливо попросили ее пройти в офис администрации. Пришлось идти, гадая о причине такого внимания. Впрочем, учитывая особенности жителей этой страны, можно было предположить, что, скорее всего, ей предложат сняться в рекламном ролике. Обычно она такие предложения принимала. Вот только сегодня на это не было времени. Вряд ли британская полиция оставила ее без внимания. Если истечет срок, отведенный ей на то, чтобы покинуть страну, а она еще не пересечет границу, то мало ей не покажется...

Руководитель администрации аэропорта произвел на нее неприятное впечатление. Мало того, что телеса его тряслись от обилия жира, так он выглядел неряшливо, со включенными волосами, которые новогодними блестками «украшала» перхоть... А если к этому добавить ноги, закинутые на стол... Эта манера аборигенов ей всегда была непонятна и неприятна. Впрочем, увидев гостью, толстяк шустренько вскочил и, резво подбежав к ней, выдохнул:

– Хэллоу, мисс!

– Чем могу быть вам полезна? – с трудом преодолевая возникшую к хозяину кабинета антипатию, вежливо поинтересовалась она у этого «чуда».

– Мэри! Я в курсе, что у вас мало времени. Знаю, эти ублюдки лайми⁴ гонят вас из нашей страны. Поэтому сразу к делу. У меня есть к вам деловое предложение, на котором вы сможете быстро заработать приличную сумму. Не беспокойтесь, я знаю, сколько стоит ваше время...

Толстяк тараторил так, что такому темпу словоизвержения могла позавидовать любая сплетница. Вот только дыхалка у него оказалась слабовата для такой болтовни. Сразу возникла одышка, на лбу выступили капли пота. Но это не помешало ему тараторить с прежней скоростью.

– Мистер?..

– Извините, мисс, я забыл представиться. Билл Бакстер. Можно просто звать меня Биллом.

– Мистер Бакстер! Ближе к делу, пожалуйста!

– Хорошо! Мы приняли решение о строительстве нового терминала. Он будет главными воздушными воротами нашего Фриско. Мы хотим эти ворота украсить. Есть много проектов, но, честно говоря, все это не то. А у вас голова хорошо работает насчет всяких идей. А еще говорят, что вы неплохо рисуете. Мы вам дадим в помощь кучу дизайнеров и художников...

² SAS – британская антитеррористическая служба. Спецназ сухопутных войск. (Примеч. автора)

³ Международный аэропорт Сан-Франциско. Самый крупный аэропорт по пассажирообороту в области залива Сан-Франциско и второй по пассажирообороту в Калифорнии. Находится в 21 километре к югу от Сан-Франциско в округе Сан-Матео, между городами Сан-Бруно и Миллбрей. (Примеч. ред.)

⁴ Английский иммигрант (в британских колониях). (Примеч. ред.)

– Погодите, а почему именно я? В Америке нет своих талантов?

– Мэри, мы, американцы, – деловые люди. Если нужно сделать хорошее дело, то мы не станем скупиться. Когда люди узнают, что эту штуку рисовала или придумала сама «Ведьма Алькатраса», они без сожаления отдадут нам свои деньги. Вы лично на этом можете хорошо заработать. К тому же много времени это не займет. Нужна только идея. А наши парни сумеют воплотить ее в жизнь!

– Мистер Бакстер, у нас говорят: всех денег на свете не заработаешь. Я тоже так думаю. Сожалею, что отняла у вас время, но у меня через полтора часа вылет. До свидания!

Этот толстяк со своим нелепым предложением ее достал. Резко развернувшись, Мария направилась к выходу. Но тут Билл Бакстер, рванув с места, обогнал ее и встал у нее на пути.

– Погодите минутку. Черт с ними, с деньгами, если они вам не нужны. Но вы хотя бы понимаете, что своим отказом вы плюнете в душу всей Америке? Мы поверили вам, мисс Майрон! Неужели вы нас обманете?

– Я вас не понимаю.

– Не уходите, пожалуйста. Выслушайте меня. Потом можете говорить либо «да», либо «нет». Обещаю, что улетите вы вовремя... Присядьте, пожалуйста.

Ну что же, можно и посидеть. Тем более, что в тоне этого смешного нелепого человека что-то поменялось. Успевшая за время съемок фильма неплохо изучить американцев, Маша почувствовала, что тут и в самом деле затронута что-то более важное, чем деньги. Настолько важное, что Бакстер принял решение: не скупиться!

Присев в кресло, она приготовилась слушать.

– Понимаете, Мэри, люди говорят, что вы «знаете правду даже про то, чего никогда не видели сами». Я бы не стал этому верить, если бы не ваш «Алькатрас». Все говорят о том, что сценарий придумали вы, а наши сценаристы только дорабатывали его. Так вот, вы этим фильмом разбудили нашу страну, в том числе и меня. И хотя лайми все отрицают, я им не верю. А вам верю. Знаете почему? Там, в фильме, майор Бакстер сказал: «Генерал, для меня было высокой честью служить под вашим началом». Бакстер – мой старший брат. И он действительно был таким, как его показали. Не знаю, как вы узнали все о нем. Вы просто не могли этого знать... Вы правильно назвали по именам всех тех людей. Они считались без вести пропавшими. Так лайми говорили их родственникам. А сейчас те, кто потерял там близких, знают о них правду. Нам говорят, что это все ерунда. Что это русская разведка добыла список пропавших, а остальное – выдумка русской сказочницы. Вот только те, кто потерял родных, клянутся на Библии и говорят, что в фильме их родные показаны такими, как были при жизни. Их узнали не по лицам, а по манере держаться и словечкам. Вы не могли их знать, потому что, когда наши парни погибли, вас еще на свете не было. Наверное, Господь наш ниспослал на вас откровение.

Слушая эту взволнованную речь, Маша верила всему, что говорил ей этот смешной и неуклюжий с виду человек. То, что снятый с ее участием фильм вызвал скандал на подконтрольных британцам территориях Северной Америки, она знала. Именно скандал и послужил причиной ее выдворения. Но ведь сама-то она считала, что они снимают простой приключенческий фильм, в котором все от начала до конца выдуманно. Теперь понятно, почему на съемочной площадке на нее все так странно смотрели. Понятно, почему погрязшая в довольстве страна вдруг забурлила. И что получается? Они нечаянно выдумали правду? Или Ирина Павловна все знала с самого начала? Но почему тогда она ей так ничего и не сказала? Нет, кое-что Мария от нее услышала, но не придала этому значения.

– Маша, этим фильмом мы вгоним в местные жирные задницы очень большую занозу, которую просто так уже не вытащишь.

Она тогда поняла это так, что после тех слащавых сюжетов, которыми закармливал Голливуд, публика просто поперхнется, когда ей предложат слишком острое блюдо. Там ведь было

не только то, что принято называть «экшен». Они показали весьма подробно и тех, ради кого погибали эти герои. Сколько споров было у нее с режиссером! Тот наотрез отказывался снимать «блевотину».

«Блевотиной» был обыкновенный американский обыватель. Тупой, зажавшийся и ко всему равнодушный. Которому нет дела до того, что не затрагивает его чисто скотских интересов. Для которого кровь и страдания – всего лишь забавное зрелище. Когда фильм наконец был смонтирован, то у всех тех, кто принял участие в его создании, документальные кадры повседневной жизни общества вызвали рвотный рефлекс. И каким контрастом были сцены подвигов!

– Мэри, зрители нас закидают тухлыми яйцами, и будут правы, – предупредил ее тогда Майкл Бэй, – никто в здравом уме не поверит, что ради этого быдла стоит поливать кровью Древо Свободы. Но что сделано, то сделано. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как срыв контракта.

Как они тогда ошибались! Фильм не просто побил все рекорды кассовых сборов. Он разбудил всю страну. Такого никто не ожидал. «Равнодушные скоты» оказались вовсе не равнодушными. Что-то про показанную историю люди слышали и раньше. Вот только толком никто не знал, что произошло в Алькатрасе на самом деле.

А Билл Бакстер тем временем начинал потихоньку выходить из себя, устав выискивать слова, которыми можно было убедить несговорчивую «ведьму». Он пока еще не орал, до этого пока не дошло. Он умолял ее остаться и попробовать хоть что-нибудь придумать.

– Время еще есть! В конце концов, это не последний на сегодня рейс в ваш долбаный Новоархангельск. Будут сегодня еще три рейса! Если нужно, мы даже задержим этот рейс. Плевать! Но вы обязаны что-то придумать такое, что поразит всю Америку! Один раз вы это сделали! Так сотворите нам еще одно чудо! Мы нуждаемся в нем!

«Стоп! А как бы на моем месте поступила Павловна? Жаль, что она ушла навсегда. Она много рассказывала про ту Землю, которая не совсем похожа на нашу. Там тоже есть Америка. И она не такая как у нас. Злобная и циничная страна, которая не знала ни настоящего горя, ни настоящих страданий. Которая, достигнув небывалого могущества, забыла, ради чего ее создавали. Здесь тоже про это забыли.

Вот и все сходство. А дальше шли различия. Ту Америку не погубила Гражданская война. А эта потеряла свободу. Та была лидером, а население этой стало стадом, которое пасут чужие пастухи...»

Фильм, конечно, пробудил народ этой страны от спячки, людям стало стыдно за то, что они так жили, но что делать дальше, никому не понятно. Зародившееся возмущение приняло формы мирного протеста. Все прекрасно понимали, что, если они устроят бунт, на них накинута все державы Священного Союза. Америку утопят в крови. Чтобы выстоять и победить, нужны герои. Такие, какие показаны в «Алькатрасе». Но люди смотрели друг на друга и понимали, что им до тех парней далеко. Но почему далеко? Если каждый Билл вытопит из себя избытки жира, займется собой, закалит себя испытаниями... Только Билл не верит, что у него это выйдет. Он считает, что далеко ему до погибшего брата. А если он поверит в себя? Там, в России, многие поверили и другим веру вернули.

Стоп! Эврика! Вот оно то, почти неуловимое выражение лица, которое скажет любому, что ничего невозможного на свете нет! Стоит только поверить в себя и проявить волю!

– Я согласна, Бакстер! Быстро мне сюда планшет и карандаши, и зовите своих бездельников! Куда это вы? Вам как раз уходить не стоит. Я должна успеть нарисовать того героя, который превратит обитателей этого хлева в народ.

Эскиз, на основе которого предстояло создать мозаичное панно, был сделан вовремя. Она сумела не только поймать нужное выражение лица этого чудака, но и отразить его в каран-

даше. Столпившиеся вокруг нее художники, которых срочно вызвали, увидели то, что она и задумала...

Толпа «хомячков», во всем подобных Бакстеру, в нелепо сидящем на них боевом снаряжении, тащила на руках в гору орудие. В центре композиции – сам Бакстер, с потным и грязным лицом, впрягшийся вместе со всеми и стремящийся к понятной ему цели. Решимость исполнить задуманное – то, что она сумела уловить в нем во время этой странной беседы. А еще наивная вера в то, что вот-вот свершится настоящее чудо. Это тоже отразилось на его лице. А художнице удалось свести это все воедино. Выражения лиц товарищей Бакстера получились не так хорошо, но в общем-то изображенная ею группа не выглядела нелепо. Не хватало только одной детали. Самой важной. Той, которая объяснит зрителю смысл произведения. Но тут уже никаких проблем не было. Еще немного, и эскиз украсила надпись:

*And yet you love us, Lord!*⁵

И это, пожалуй, все. Первый шаг к очередному чуду сделан. А дальше ребята – сами! Нам тоже пришлось все делать самим. И ведь не так давно все это было.

⁵ И все же Ты любишь нас, Господь! (Примеч. ред.)

Глава 1

Совсем не мой мир

Если вы проснулись не в своей постели и при этом не помните, как в ней оказались, что вы почувствуете? Вот и я почувствовала себя не в своей тарелке. Были и другие ощущения. Известно, что, если в сорок лет вы проснулись и у вас ничего не болит, значит, вы умерли. Увы, мне уже давно не сорок. И тем не менее сейчас у меня ничего не болело. Но вроде бы пока была жива. Правда, с головой все-таки был не порядок. Мысли путались. Лишь спустя минуту до меня дошло, что я, оказывается, не только не в своем доме, но еще и не в своем теле.

Вот подвалило старухе счастья: помолодеть сразу на пять десятков лет! А путаница в мыслях была от того, что прежняя хозяйка этого тела никуда не делась и в настоящий момент пыталась молитвой изгнать демона, то есть меня.

– Не старайся, голубушка, я не демон, меня молитвой не прогонишь.

Ответом на мою мысленную реплику, был целый рой разнообразных мыслей моей «соседки». В основном, панических. Что же, пришлось применить весь свой богатый воспитательный опыт, успокаивая испуганное дитя. Получилось не слишком здорово. Прежде всего потому, что я сама еще не совсем понимала, что же такое произошло? А ребенку требовался четкий и недвусмысленный ответ.

– Послушай голубушка, давай сперва познакомимся, а потом вместе разберемся, что с нами творится.

Хоть тут согласие получила! Хозяйку тела звали Маша Миронова, и ей сейчас было восемь лет. Находились мы в Петербурге в районе Обухова. В квартире, кроме нее, жили папа, мама и старший брат Иван.

В свою очередь, представилась и я. Миронова Ирина Павловна, недавно исполнилось шестьдесят, и живу я тоже Петербурге, только в районе Парка Победы.

– Так мы, значит, однофамильцы? А Парк Победы – это где?

Сперва я решила, что девочка просто плохо знает город. С нынешними детьми это не редкость. От такого моего предположения Маша обиделась, и мы начали друг друга экзаменовывать на знание улиц Петербурга. Результат меня ошеломил. Маша действительно хорошо знала город, но как-то избирательно. Ну невозможно знать, где находится Гостиный Двор, и при этом понятия не иметь о канале Грибоедова! Про Невский проспект знают все, но про Площадь Восстания или улицу Марата Маша впервые в жизни слышала. Ничего она не слышала ни про Кировский завод, ни про проспект Обуховской Обороны (это живя в Обухово!), а про Вантовый мост вообще заявила, что такого в Питере нет! Похоже, что мы с ней жили в разных измерениях. Я продолжила экзамен. Станным образом в ее памяти отсутствовали названия, связанные с советским периодом нашей истории. Раз зародившись, мысль о том, что я нахожусь в совершенно другом измерении, продолжала крепнуть. Вот только как в этом убедиться? На глаза попался предмет, напоминающий персональный компьютер. Только дизайн незнакомый.

– Маша! А у вас есть интернет?

– Тетя Ира, а что это такое? – Все-таки когда мысли девочки отвлеклись на спор со мной, она перестала бояться того непонятного, что творилось сейчас в ее голове.

– Глобальная информационная сеть...

– Нет, такого у нас нет. Есть КРОСЕТ.

– А теперь, Маша, ты мне объясни: что это за зверь такой?

– Тетя Ира, это так называют Кругосветную осведомительную сеть. А у вас разве ее еще нет?

– Погоди пока с вопросами. Давай включим твой комп, и я кое-что посмотрю.

Включив комп, я убедилась в том, что действительно нахожусь не в своем мире. Никакой «Винды» и в помине не было. Был «Мир-2000». Про отсутствие «Гугла» или «Яндекса» говорить излишне. Зато существовал просто «Поиск». Ну а вместо привычной «Википедии» оказалась «Всемирная энциклопедия». Зато все остальное было знакомым и понятным. И вот я, старая дура в молодом теле, взялась проверять свои догадки.

С чего начать? С изучения карты. Как говорил наш дачный знакомый, бывший военный топограф: «Любой непонятный вопрос начинай решать, изучив сперва карту местности». Тут для меня не было никаких трудностей. Я хоть и натуральная блондинка, но все-таки до самой пенсии работала метеорологом. Поэтому с чтением карт у меня всегда был полный порядок. Топографический кретинизм – это точно не ко мне.

Начала я с изучения физической карты мира. Очертания суши и рельеф оказались привычными. Правда, некоторые названия не совпадали со знакомыми. Просмотрев физическую карту, я занялась изучением политической карты мира. И вот тут меня ждал сюрприз: ничего общего с тем, что я видела, когда последний раз смотрела подобную карту. Вместо Российской Федерации я увидела Российскую империю, включавшую в себя, помимо привычных мне территорий, часть Польши, Финляндию, Аляску, Гавайские острова, Синцзян, Монголию и Маньчжурию. В Европе с Австро-Венгерской империей соседствовали Османская и Германская империи. Франция и Италия были королевствами, а Норвегия входила в состав Швеции.

Еще интересней выглядела карта Америки. В Южной Америке находилась Бразильская империя и отсутствовала Панама. А в Северной Америке я обнаружила Мексиканскую империю, зато США отсутствовали совсем. На месте мирового гегемона моего времени было два образования: Конфедерация и Подмандатные территории Северной Америки!

Про Африку и Азию я даже не говорю. Сплошные протектораты да территории!

Все это вместе взятое убедило меня в том, что этот мир не мой. Как и для чего я сюда попала, тоже было пока не ясно. Приняв случавшееся как данность, я решила взяться за изучение России. Не вышло. Стоило Маше разобраться, что ее посетила вовсе не нечистая сила, а гостя хоть и из другого, но похожего мира, как она меня сразу замучила множеством вопросов. Пришлось отложить дальнейшее знакомство со здешней Россией на потом. Я старалась как можно полней отвечать на Машины вопросы. Вот только, в конце концов, «пришел лесник и всех разогнал».

В роли лесника выступила Машина мама, явившаяся будить дочь. Увидев Машу в пижаме и за компьютером, она немедленно погнала ее мыться, одеваться и завтракать. За завтраком я увидела всю семью в сборе. Если заранее не знать, то не поймешь, что ты находишься в параллельном мире. Обычная питерская квартира и обыкновенная питерская семья среднего достатка. Меня, естественно, заинтересовала сама кухня. Что тут скажешь? Просторней, чем у меня дома. Бытовая техника мало чем отличается от той, что у нас. Продукты – примерно те же самые.

– Маша! Ты чего вертишься? Ешь быстрее! У нас на сегодня большие планы!

– Хорошо, мама.

Да, старая тетка, а не удержалась. Дай все рассмотреть да нос везде сунуть! А что у нас дальше?

Дальше был поход всей семьей в церковь. Как оказалось, здесь, как и у нас, – воскресенье. Отроду не была в церкви! И если для Маши все это было привычно, то я с трудом дождалась окончания службы. Мне не терпелось побыстрее добраться до компа и продолжить изучение здешнего мира. Увы! У Машиной родительницы были совсем иные планы. После окончания службы мы пошли в гости к приятелю Машиного отца. А там... Боже мой! Целый детский сад! И все младше моей Марии! И зачем им в тридцать лет иметь целых пять детей? Я продолжала подмечать различия в мелких деталях, которые интересны всякой женщине. Как и у нас, здесь гостей приглашали за стол. Но, Боже мой, это только здесь или везде так принято угощать?

Сплошной фастфуд! Неужели трудно к приходу гостей приготовить что-нибудь вкусненькое? Маша, понявшая мое возмущение, подтвердила: да, здесь так принято.

А дальше, когда, мы закончили есть, настроение уже испортилось у моей юной «хозяйки». Ее огорчило то, что взрослые образовали целых два клуба по интересам: мужской и женский. Братец Иванушка еще по дороге догадался отпроситься у родителей «в гости к пацанам». Поэтому не вся малышня свалилась на нас с Машей. А Маше было не интересно возиться с этой мелкотой. Она училась уже во втором классе гимназии, а тут сплошной детский сад! И чем ей с ними заниматься?

Эх, Маша! Ничего ты в жизни не понимаешь! Ты серьезно считаешь, что с ними не интересно? Смотри и учись! Я быстро взяла ситуацию в детской комнате под контроль и занялась привычным для меня делом: начала их учить лепить из пластилина. Когда мне пришлось выйти на пенсию, Управление гидрометеослужбы Балтийского флота, проводя очередную реорганизацию, сократило мою должность. Жить на одну пенсию, если твой муж хорошо зарабатывает, можно, но скучно. И я нашла себе другую работу. Я всегда неплохо рисовала и лепила. Поэтому, когда мне предложили заниматься детьми с задержкой в развитии, обучая их рисованию и художественной лепке, я согласилась. Немалое значение для меня имел и довольно-таки приличный заработок. И хотя занятость была неполная, по существующим расценкам выходило не хуже, чем у мужа. Главное – иметь такт и терпение. Вопреки опасениям, работа оказалась не очень трудной и даже приносила мне временами радость.

Вот я и занялась привычным для себя ремеслом уже здесь. Думаете, трудно развить в ребенке художественный вкус и фантазию? Ничуть не бывало. Задержка в развитии – это еще не препятствие к успеху. Дети бывают либо развитые, либо недостаточно развитые. Последнее – это в основном вина родителей, которые и сами не занимаются своими чадами, и другим не позволяют с ними заниматься.

В общем, как всегда, меня на этом поприще ждал успех. Малышня оказалась буквально зачарованной, когда увидела, что задуманные ею кошечки, овечки, собачки, человечки... получились «совсем как в мультике». Естественно, что вся орава с визгом понеслась хвастаться своими успехами перед взрослыми.

– Леночка! Какая прелесть! Неужели это ты сама так?

– Меня Маша научила.

Вот так, выхваляясь успехами, они все твердили, что «это меня Маша научила».

Родительский шок и последующие за ними восторги были для меня делом привычным. Когда мы организовывали выставки детского творчества, то родители занимавшихся у нас детей с трудом верили, что увиденную ими красоту создало собственное чадушко. И их можно понять. Ведь раньше они ничего подобного за своим ребенком не замечали. Наоборот, дитя с трудом могло что-то сделать приемлемо или довести до конца, если бралось делать что-то самостоятельно. А тут всего одно занятие, и результат радовал взгляд. Часто звучало нечто вроде того:

«Ирина Павловна, скажите честно: это ведь сделали вы, а не наш Андрюша, у него просто так не выйдет!»

«Элеонора Петровна я могу скопировать в детском стиле что угодно, но для этого должна видеть образец. У меня просто фантазии на такое не хватит...»

Кто-то верил моим объяснениям, кто-то нет. Тем не менее о потраченных на развитие ребенка деньгах никто не жалел. Потому что даже самым недоверчивым приходилось верить своим глазам: убогий малыш вдруг превращался в обычного ребенка с хорошо развитым воображением и моторикой...

Маша, на чью долю пришлось похвалы и восторги в этот раз, оказалась потрясенной. Она словно впала в ступор. До конца вечера она никак себя не проявляла, и мне приходилось отдуваться за нее. Вот тут ее мать и заподозрила: с дочкой творится что-то неладное. Какая-

то она не такая, как всегда. Последовали вполне естественные вопросы о самочувствии. Пришлось отговориться тем, что я устала, не выспалась и вообще хочу отдохнуть. Родители вняли и, извинившись перед приятелями, повели меня домой.

Слава богу, что дома меня с Машей оставили в покое, и я опять села за комп. Стала изучать, на примере России, что в этом мире не так, как у нас. Я, конечно, не специалист в области истории, но школьный ее курс еще помнила. Чтобы не погрязнуть в болоте мелких событий и не перегружать лишней информацией детские мозги, я взялась за школьный курс истории. Через полчаса стало понятно, что до 1815 года все шло так же, как и у нас. Совпадало все: рисунок событий, памятные даты, участники событий, имена действующих лиц. А вот после битвы при Ватерлоо все пошло совсем не так. В этом мире Наполеон ее выиграл. Интересно было и то, что в качестве причины поражения англичан называлась привычка этой нации воевать чужими руками. Я не знаю, как обстояли дела в моем мире, но здесь Веллингтон командовал сборной солянкой из двадцати четырех тысяч англичан, из которых только семь тысяч имели достаточный боевой опыт. Остальная армия состояла из семнадцати тысяч голландцев и двадцати шести тысяч немцев из разных германских государств. Именно недостаточная стойкость немецких солдат и явилась, по мнению автора учебника, причиной разгрома армии Веллингтона. После этого роль англичан в компании 1815 года свелась к осуществлению морской блокады Франции. Тем не менее победа при Ватерлоо не спасла Наполеона от окончательного поражения. Он, конечно, сумел разгромить пруссаков в ряде битв, но для противостояния армиям Австрийской и Российской империй сил у него уже не хватало. Медленно, но верно, войска Седьмой коалиции вытеснили его армию на французскую территорию, а затем последовал стремительный бросок Русской армии на Париж. А дальше вообще все стало непонятно. Каким-то образом, несмотря на полное господство англичан на море, Наполеону удалось эвакуировать в Гвиану и остатки своей армии, и часть своего двора, и даже немалую свою казну. Укрепившись там, он сумел создать дееспособное государство, куда эмигрировали многие его сторонники. Автор учебника прозрачно намекал на свойственную части британской аристократии продажность и коварство. Так это или нет, но Гвианское королевство существует до сих пор. Правит там династия Бонапартов – потомки самого Наполеона от его третьего брака. Кстати, прожил он дольше, чем в моем мире. Как раз до совершеннолетия своего наследника дотянул. И до конца жизни он был пугалом для всей Европы.

Этот фактор и повлиял на судьбу всего мира. Созданный в конце 1815 года Священный Союз больше всего мне напоминал блок НАТО. Здесь он не распался и продолжал действовать и совершенствоваться. Возможно, что благодаря этому в этом мире не было ни Крымской, ни Русско-японской, ни двух мировых войн. Хотя революционных потрясений хватало везде. Кроме России. Вот это и было для меня самым интересным. Нет, заговор декабристов был и в этой России. Было довольно мощное движение либералов. И даже социалисты упомянуты. Но Питер не стал городом трех революций. И крепостное право, оказывается, до сих пор не отменено! Естественно, что уцелело в России и самодержавие. И вообще, в изложении автора статьи вся история России после наполеоновских войн если и была не совсем благостной, то обошлась без великих потрясений. Огромные успехи во внешней политике, прогресс в общественной жизни и благоденствие всех без исключения подданных. Сплошной хруст французской булки!

Все это прекрасно звучит, но... Товарищи! Где космос? Где Королевы и Гагарины? Где наши луноходы? Или хотя бы Циолковский? Стоп! Набираю в поисковике К. Э. Циолковский. Есть такой! Вот только никакого упоминания о его увлечении космосом нет. Местная энциклопедия его представила мне как оголтелого расиста, чьи взгляды противны цивилизованному человечеству, а исповедание его учения является преступным деянием.

Итак, на дворе XXI век. Человечество так и не вышло в космос. А чем оно вообще занято?

Дальше думать над этим не пришлось, ибо у хозяйки тела прошла задумчивость и проявилось любопытство:

– Тетя Ира! А расскажите мне что-нибудь о том, как люди живут у вас дома!

– А что тебе, Маша, будет интересно?

– Ну что-нибудь... ну, во что вы играете там или истории забавные.

Вот же выпала бабке судьба, с чужим ребенком нянчиться! Но деваться было некуда. Мы теперь одним телом и одним мозгом повязаны. И все же что ей рассказать? А вот что!

– Я расскажу тебе сказку, которая называется «Девочка, с которой ничего не случится...».

То, что вместилищем наших личностей служил один мозг, давало мне преимущество, которым не обладают даже самые даровитые сказочницы. Я могла вспомнить и показать Маше весь сюжет сказки в виде ярких и образных картинок. Правда, сам рассказ получился рваным, ибо у слушательницы моей возникала тьма вопросов. Что делать, если мы не можем контролировать мысли так же, как контролируем речь? Приходилось часто прерываться и объяснять те детали нашей жизни, которые непонятны или незнакомы здешним жителям. Вот тогда я и поняла по-настоящему, насколько мы разные. Вроде и говорим друг с другом на русском языке, а все равно иногда даже смысл одинаковых слов бывает разным. Так что затянулась наша сказочка на ночь. А потом пришлось готовиться ко сну, ибо завтра у нас понедельник, и детям Машиного возраста надо идти в школу.

Когда уже ложились спать, мне пришла в голову мысль: «А что я вообще тут делаю?»

Хорошо, что Маша быстро уснула, а то лезущие мне в голову мысли лишили бы ее сна и покоя. Мне было непонятно, кто и зачем перебросил мое сознание в этот мир, да еще в тело ребенка? Вполне возможно, что какая-то сверхсущность просто развлекалась, не заботясь о последствиях своих поступков. А если все-таки существовала сверхзадача? То, что мне предстояло прожить еще одну жизнь, да еще в молодом теле, – это, конечно, бонус. Кстати, тело это, хоть и молодое, мне не шибко-то нравится. Девочка явно была не знакома со спортом. Ладно, это как раз поправимо. Но что вообще я тут делаю? Хоть бы тот тип, который все это затеял, заодно подсказал мне, что все это значит? Или я должна догадаться сама? Хорошо, сподобилась понять, где я. Остался вопрос: зачем? И еще: как все это выполнить? До этого дня я была самой обыкновенной женщиной средних способностей. Воздействовать получалось только на близких мне людей. Ну, еще на соседей. Менять жизнь целой страны или даже города я никогда не была способна. Не получалось дома, значит, не выйдет и здесь.

Черт! Я ведь совсем ничего не знаю про здешнюю жизнь. Один день мало что мне рассказал. Сколько нужно будет потратить времени, чтобы получить полную картину происходящего?

Еще одна мысль: кто сказал, что я должна тут что-то глобально менять? Вдруг сверхразум поставил на Машу? Просто мне к тому моменту, когда она вырастет и сумеет действовать, нужно будет воспитать ее в «своем» духе? А ведь похоже на то! Тогда нет никакой необходимости ставить передо мной сверхзадачу. Волей-неволей, но я действую на девочку. Значит, нужно в ней развивать те качества, которые мне кажутся нужными, но которые не смогут воспитать в ней ни родители, ни прочие люди.

Ладно, будет день, будет и пища. А пока лучше спать. И хорошо бы проснуться в своем доме, в своей постели, в своем родном мире. Стоп! Давай не думать о детях и внуках. А то совсем расклеишься.

Глава 2

Мир без Ротшильдов

На первых порах изучение местной истории стало для меня сплошным откровением. И если история здешней России XX века могла быть описана одной фразой, типа «В Багдаде все спокойно», то с XIX веком все было совсем не так. В сравнении с известным мне вариантом истории, здесь русское дворянство проявляло какую-то необычную активность. Начиная с заговора декабристов, оно целых пятьдесят лет активно боролось за отмену крепостного права. И проиграло! Крепостное право так и не отменили, и оно благополучно продолжало существовать в XXI веке. Почему так произошло, школьный курс истории не объяснял. Пришлось брать за изучение университетского курса. Оказалось, что за сохранение крепостничества боролся вовсе не царизм. Сами крепостные настояли на его сохранении! А зачем они это сделали? Местные либералы, так же, как и наши, нашли простое объяснение: народ не тот. Консерваторы же ударились в настолько дремучую патриархальщину, что противно было читать. Уж лучше бы они занялись написанием женских романов! Более-менее полную ясность я получила, когда прочитала статьи на аграрную тему, что писали социалист Чернов и анархист Кропоткин. Все оказалось просто: помещикам не давало покоя то, что земля принадлежала крестьянским общинам. Та доля крестьянского труда, что в виде барщины или оброка поступала в распоряжение барина, не могла покрыть всех его расходов. Проще говоря, на сладкую жизнь людям не хватало. Естественно, что они мечтали о том, чтобы земля оказалась в полном распоряжении «эффективных собственников». И нетрудно понять, кого они видели в этой роли – себя любимых! Многочисленные попытки дать мужику волю, но без земли, окончились неудачей. Русский мужик дураком не был и потому на барскую «доброту» не повелся. Но дворяне не успокоились, ибо деваться им было особо некуда. Высокие стандарты потребления загоняли их в кабалу. С каждым годом число поместий, заложенных за долги, росло. Окончательному разорению мешала политика правительства, которое выступало в роли доброго кредитора. Считая по традиции дворянство своей опорой, цари за народный счет фактически поддерживали несостоятельных должников Дворянского банка на плаву в течение десятилетий. Добром это кончиться не могло.

Не сумев ограбить мужика на добровольной основе, помещики взялись за самодержавие. Чего только они ни пели! Впрочем, типичные аргументы за отмену крепостничества мне были знакомы со школьных времен. Русские цари оказались в сложном положении. Поддержание на плаву сущих паразитов с каждым годом требовало все больше средств, что тормозило развитие страны. При этом число дармоедов, не желавших верой и правдой служить Отечеству, росло. Ну, это понятно, посади людей на велфер⁶, и вскоре они откажутся работать. Это мы уже проходили. Правительство понимало, что пойдя оно на поводу у «прогрессивных личностей», спустя короткое время придется массово вешать расплодившуюся по всей империи нищету. Английский пример из этой области был хорошо известен. Разница будет только в том, что сперва придется давить новую Пугачевщину, а вешать уже потом. Как ни крути, но мужицкий топор – вещь серьезная.

Ну, коль правительство не захотело идти навстречу пожеланиям благородного сословия, то вместо мужицкого топора оно получило дворянский кинжал. Восстание декабристов подавить удалось, но на этом ничего не закончилось. Разного рода тайные общества продолжали плодиться. Но никакому правительству не может понравиться шантаж. Казней крамольников

⁶ Суть системы велфера заключается в том, что любой легально проживающий в Канаде человек, уровень дохода которого по какой-либо причине находится за чертой бедности, может рассчитывать на финансовую помощь государства. (Примеч. ред.)

поначалу не было, зато ссылок в Сибирь хватало. А вообще, император Николай I поступал с ними мягко, поэтому фронтеры никак не могли уговориться. Момент истины для всех настал, когда на престол взошел Николай II. Не тот, который был у нас, а старший сын Николая Павловича. Николай Николаевич Романов оказался намного решительней отца. Да и доморошенные революционеры ему иного выбора не оставили. Ставшая среди них модной борьба «за нашу и нашу свободу» завела их слишком далеко. В итоге царь провел социализацию земли. Ничего нового для мужика в этом не было. Своим манифестом царь лишь подтвердил законность старинного порядка вещей: земля находится в вечном и безвозмездном коллективном пользовании того, кто ее обрабатывает. В данном случае – в общинном пользовании. Еще была отменена обязанность содержать своего барина. Ничего, кроме местных и государевых налогов, мужик платить был не обязан. Кроме того, если в моем мире у крестьян в пользу помещиков отняли от четверти до трети, принадлежащей им ранее земли, да еще выкупные платежи заставили платить, то тут обошлись без этого. Дворянам предложено было жить либо за счет государственной службы, либо за счет частной деятельности. Понятно, что подавляющему большинству это не понравилось. Став в результате простого росчерка пера нищими, они пытались бунтовать. Вот только делать это в крестьянской стране, где подавляющая масса населения является убежденными монархистами, получилось не очень хорошо. В итоге произошло то же самое, что и у нас в 1917 году. Кто-то смирился с неизбежным и принял новые правила игры. Кто-то эмигрировал за границу. Ну а кто-то пополнил ряды люмпенов. Лишь малая часть осмелилась на сопротивление реакционному режиму.

А как же свобода крепостным? Очень просто. Согласно тому же самому манифесту, ее обретали с согласия самой общины на сельском сходе. Правда, при этом получавший волю терял право на землю, но это возражений не вызывало, потому что человек порывал и с общиной, и с крестьянским трудом, уходя работать в город на фабрику, либо переселялся на новые земли, где получал надел больше прежней доли. В итоге на сегодняшний день крепостные крестьяне исчезли сами собой.

А вообще, время Николая II было много чем отмечено. Например, плавной, без рывков, индустриализацией страны. Имея перед собой наглядный пример Европы, он не пожелал отдавать промышленность на откуп буржуазии. Созданные при помощи полиции фабрично-заводские комитеты помогали правительству держать отечественных и иностранных предпринимателей в ежовых рукавицах. Конечно, жизнь рабочего класса и тут легкой не стала, но и ужасной она не была. Ленский расстрел или Кровавое воскресенье здесь в принципе были невозможны. На фоне того, что творилось тогда в Европе, Российская империя выглядела образцом спокойствия и стабильности.

Европу же в этом мире лихорадило намного сильнее, чем в моем. И все революции окончились неудачей! Даже несмотря на то, что энтузиазм народных масс явно зашкаливал. Конечно, тут играло свою роль то, что протест народных масс вызывал немедленную интервенцию со стороны армий стран Священного Союза. Но почему на происходящее так быстро реагировали европейские монархи? Школьные учебники не давали ответа на этот вопрос.

Случайно мне пришлось в голову сделать запрос в сети насчет Ротшильдов. Вот тут я и нашла частичное объяснение и большому буйству, и причинам провальных результатов всех революций. Ротшильдов здесь не было! Совсем никаких упоминаний о них. Помню, как наш дачный знакомый, обсуждая за рюмкой чая с моим мужем мировые проблемы, обмолвился о том, что если бы не наполеоновские войны, то евреи до наших дней могли бы прятаться от коренных народов в своих гетто и не совать нос в политику.

Еврейская тема везде и всегда хорошо шла под водочку. Мой Дмитрий усомнился в сказанном. Сидя на больших деньгах, евреи по-любому своего добивались. Сосед усмехнулся и спросил:

– Димон, а почему ни в Японии, ни в Китае, ни у мусульман с неграми евреи не сумели даже близко подойти к реальной власти, даже на провинциальном уровне?

– Наверное, самым шустрым вмиг башку сносили?

– Вот, Димон! Умница! В корень зришь! Нигде правители не позволят просто так и кому попало приобретать большую власть. Вот смотри, при Ельцине, много бандюков себя крутыми возомнили. Раз карманы от «зелени» лопаются, то можно свои правила другим прописывать. Хрен тут что вышло у них. Глянь на кладбища во всех городах, любо-дорого смотреть. Столько идиотов в красивые могилы отправили, что сталинские репрессии и близко не стоят.

– Погоди со Сталиным! – заинтересовался темой муженек. – Мы о евреях начали.

– А что, евреи не люди? Их тоже временами в могилы закатывали, если нюх теряли.

– А Ротшильды с Рокфеллерами всякие? Они ведь рулят всем на свете?

– Ротшильды, говоришь? А кем они были, ты знаешь?.. Ты наливай, наливай! Не хватит, еще возьмем. А то на трезвую голову говорить о них совсем не прилично. Павловна! Что ты как не родная? Или не у себя дома?

Опрокинув еще по стопке и закусив подsunутой мной закуской, мужчины вернулись к мировым проблемам. Я как-то не люблю поддерживать такие компании, но, с другой стороны, послушать стоило. Уж если сосед сядет на своего любимого конька, то водка нескоро закончится.

– Вот смотри, кем были евреи до Французской революции? Да никем! Деньги у них, конечно, были, но диктовать правителю что-либо свое, у них никак не выходило. Если какой-нибудь правящий герцог говорил еврейскому финансисту: «Дай денег!», то тот давал, хотя и плакал. Герцог ведь мог спокойно простить ему свой долг, и еврей правды никогда не добьется. А станет возникать – холокост на свою пейсатую задницу накличет. Ну, это для примера... Кому-то из евреев везло настолько, что их брали в качестве управляющего финансами для местного правителя. Но тут тоже не повыдываешься. Своровать в свой карман можно иногда много, но только если хозяин отвернулся. Да и то, аккуратно это надо было все делать. Стоит кому-то стукнуть на него, и все! Был такой шустрый еврей. Зюсс его звали. Казалось, что всех под себя подмял, да вот только плохо закончил. В железную клетку до конца своей недолгой жизни упрятан был. В общем, никакого уважения к честно украденной собственности феодалы не испытывали. Это сейчас на суде определяют, что украдено, а что заработано. А тогда было все просто: у вора честных денег нет! Украл на копейку – забрали весь миллион.

– Николаич, да при таких порядках олигархов вообще быть не должно. А они были.

– Димон! Все просто: у олигархов, которые королями назывались, была власть. А у кого власть, у того капитал хрен отнимешь. Хотя можно, если революцию замутишь...

– Так что, евреи революцию и замутили?

– Да нет, там другие люди все затеяли. Евреи лишь момент подловили. В такие времена добра бесхозного много валяется. Только успевай брать. Те же Ротшильды и подсутились. А как еще ювелир мог стать банкиром? Только в такие времена и мог, если варезку не разевал. И это им еще повезло. Европейским королям тогда было не до них.

А то бы в момент раскулачили. А когда вся суэта закончилась – было уже поздно.

– Ну и что мешало монархам его ограбить? – Тут уже мне стало интересно. – Ведь когда войны кончаются, с деньгами у всех плохо.

– Так если бы, Павловна, он просто легкую деньгу примагнитил к себе, то мы бы и знать о нем не знали. Тогдашние монархи только с благородным сословием были обходительны. А еврей для них – не повод даже притворяться хорошими. А коль так обнаглел, что богаче короля стал... В общем, такого короли никому не прощали. Только Ротшильд тоже оказался не лыком шит. Подстраховался неплохо.

– С масонами дружбу стал водить?

– Чего не знаю, того не знаю. Думаю, что не стал он с ними связываться. Он хитрей поступил. Во-первых, сыновей пристроил куда надо. Стали сыночки банкирами королей. И не только банкирами. Еще и советниками. Ну а ниточки все к папе тянулись. И получалось, что тронешь одного сыночка, поссоришься с четырьмя странами. Вот их и не стали раскулачивать. Ну а главное – это то, что создал этот тип свою информационно-аналитическую службу. А это серьезней любых миллиардов. Недаром Ротшильд говорил: кто владеет информацией, тот и правит миром. Монархи и опомниться не успели, как рядом с ними возникла почти королевская династия, которую никакая революция не скovyрнет. Наоборот, эти сами кому угодно революцию подсунут...

Долго этот разговор продолжаться не мог, ибо водка еще не вся была выпита. Мужчины вернулись к ней и поменяли тему. Ну а я их тогда оставила и ушла спать.

Сейчас мне этот разговор как раз и вспомнился. Не найдя Ротшильдов, я принялась искать других миллиардеров. Такие нашлись, но не те, которых я искала. Морганы, Рокфеллеры, Варбурги – их не было совсем. Ну а те, что были, не тянули на хозяев жизни. Так что произошло? Похоже, что в этом мире Ротшильд так и не смог подняться. В условиях постоянных войн его запросто могла прихлопнуть любая банда мародеров. Остальные же финансисты на тот момент не обладали ни его смелостью, ни его умом. А после войны монархи сумели упорядочить жизнь, и делить власть с закулисными деятелями им не пришлось. А ведь это все меняет. У нас те, кто обладал умением концентрировать капитал, формально ни за что не отвечали. Зато возможностей для воздействия на ситуацию у них было больше, чем у формальных правителей. Захотели – разорили целую страну, а захотели – обеспечили ей процветание. Все эти кризисы – плоды их махинаций с финансами. И плевать им на последствия, если они не касаются их напрямую. Той же Второй мировой могло не случиться. Любое начинание Гитлера можно было зарубить на корню. Ведь он принял разоренную страну, которая средств на развитие не имела, зато была в долгах как в шелках. И сколько фюреру пришлось бы трудиться, чтобы поднять экономику страны? С опорой исключительно на свои силы он бы году этак к 1950-му управился. А с деньгами Рокфеллеров – хватило четырех лет.

Стоп! Ну, грохнули мало кому известного еврея. Но ведь его трюк мог и кто-нибудь другой повторить. При Луи-Филиппе французские банкиры сумели повторить подвиг Ротшильдов. Правда, не в таком масштабе. Набирала в поисковике – Луи-Филипп. Выскочил – «Заговор орлеанистов и бонапартистов». Так, в 1830 году во Франции произошла революция. Карл X Бурбон был свергнут и бежал. Королем оказался провозглашен Луи-Филипп Орлеанский. А через два месяца произошла интервенция и восстановление власти Бурбонов! И еврейские погромы прокатились во всей Европе!

1848 год. Бонапартистский заговор. Вновь полыхнула вся Европа, включая Англию. И опять интервенция. Русская армия даже в Англии отметилась. Евреев на этот раз громили умеренно, зато Швейцарию чистили основательно. Так что судьба оффшора ей уже не светила. Дальнейшая ее судьба – судьба респектабельной промышленно-аграрной страны.

А что творилось в Америке? То же самое, что и в моем мире. Пока Европе было не до судьбы дальних стран, САСШ прирастали землями и людьми. Гребли под себя все, что плохо лежит. Вот и в этом мире они не зевали. Отжали у мексиканцев кучу земель и на время успокоились. Вот только дальше удача от них отвернулась. В Мексике произошел переворот, и к власти пришли местные бонапартисты...

В общем, если суммировать все прочитанное, то получается интересная картина. Банкиры во всей Европе рвались повторить трюк Ротшильда, но ничего не вышло. Обстановка была не та. Им не давали подняться. Промышленность и сельское хозяйство хоть и умеренными темпами, но развиваются. А банки не очень. Покопавшись в КРОСЕТе, я пришла к выводу, что везде, кроме Америки, банки оказались в руках старой аристократии. И монархи

стали вершинами этих айсбергов. Теперь мне стало многое понятно. Платить деньги революционерам стало некому. Во всяком случае, во второй половине XIX века все было именно так.

Не обошла я своим вниманием и Соединенные Штаты. Там долго было все, как у нас. Пока Гражданская война не началась. Шла она достаточно долго и с переменным успехом. А потом на сторону конфедератов встали Англия и Франция. И вот итог: США исчезли. Остались Конфедерация и Северо-американские территории под внешним управлением.

Дальнейшая история мира оказалась достаточно пресной. Развитие шло не такими стремительными темпами, Общественный прогресс напоминал процесс эволюции. В итоге мультикультуризм укоренился. И что мне совсем не понравилось – Россия его тоже не избежала.

Но это я и сама почувствовала, стоило мне походить в Машинном теле в школу. Кстати, о теле. Именно им я больше всего была недовольна.

Как и всякий ребенок в ее возрасте, Маша быстро сообразила выгоду от того, что кто-то может незаметно ей что-то подсказать. Например, во время контрольной или диктанта. Но тут я поспешила ее разочаровать: объяснять непонятное буду, а подсказывать – ни в коем случае. Маша обиделась. Но ненадолго. Ее успехи в учебе начали радовать родителей. Понятно, что это мое благотворное влияние сказывалось. Правда, учебная программа была заметно легче, чем у меня в свое время. Порадовала Маша своих родителей и успехами в кулинарии. Да и помогать она начала матери в уборке по дому. А вот со спортом была беда. Занятия по физкультуре в школе оказались не предусмотрены. Почему? А потому, что эта Россия – страна мультикультурная. Быть в хорошей физической форме, значит, унижать этим как инвалидов с калекими, так и распущенных лодырей. Пусть уж лучше все будут неполноценными!

Чем больше я узнавала о здешней России, тем меньше мне здесь нравилось. Вроде бы и люди хорошие, но какие-то они не русские. Уровень жизни неплохой, а жизнь не очень душевная. И что мне с этим делать? Подумав, я решила быть такой, как всегда. Студенткой и комсомолкой я давно перестала быть, но со спортом дружила. Ну не хочу я со временем превращаться в рыхлую толстуху! Физкультура – основа любой культуры! Заставить Машу делать по утрам гимнастику было несложно. Но вот с систематическими занятиями спортом все оказалось не так просто.

Спортивных клубов и школ тут хватало. Плата за занятия тоже не была запредельной. Но родители были против. О чем девочка сразу меня предупредила:

– Тетя Ира, мама не согласится отпустить меня туда.

– Почему?

– Она говорит, что спортивные клубы посещают только нехорошие тети.

– Нехорошие – это какие?

– Те, которые занимаются очень нехорошими делами. Они еще и детей могут заставить этим заниматься.

Все ясно. Похоже, что все эти спортивные учреждения стали тусовочными местами для разного рода извращенцев. Такое возможно только при полной их безнаказанности. Похоже, что с терпимостью здесь переборщили настолько, что даже власти не решаются устранять перегибы.

– Маша, а ты хочешь быть красивой девочкой? Значит, хочешь! А теперь скажи мне, почему «плохим тетям» можно иметь красивую фигуру, а хорошим нельзя?

Я понимала, что уговорить Машу будет нетрудно. А вот уговорить ее мать вряд ли выйдет. Но кое-что я придумала. Помимо занятий в спортивных клубах, есть ведь еще самостоятельный спорт. Чтобы им заниматься, хватит одного желания. Почему бы, например, не заняться бегом? Бег сам по себе многое человеку дает. А то ведь случись встреча с хулиганами, так ведь и убежать от них не сможешь.

Маша была не против. Труднее оказалось говорить с ее матерью. Чего я только ни услышала: заблудишься и дорогу домой не найдешь, не успеешь уроки учить, хулиганы побьют,

плохие дяди украдут... В общем, когда не хочешь, причину для отказа найдешь. Но я проявила настойчивость, и мать нехотя согласилась. Хотя поставила условие: бегать только в сопровождении брата и недалеко от дома. Ну хоть что-то для начала! А там посмотрим! Правда, братец Иванушка согласился сопровождать меня очень неохотно. Ничего, и тебя вылечим! А то скоро задницу себе, сидя за компом, отрастишь шире маминой!

Глава 3

Враги внутренние

Любой разумный бюрократ в первую очередь озабочен личным карьерным успехом. Во вторую – блюдет интересы своего ведомства. В третью – государственный интерес. Ну и в самую последнюю – болеет душой за интересы общества. Правда, болеющих за общество всегда очень мало, и долго они не служат. Просто никакого здоровья на это не хватит. Тех же, кто этого не понимает, коллеги по службе считают чужаками. Кого-то безобидными, а кого-то опасными.

Большинство же чиновной братии озабочены первыми тремя пунктами. Это обычные честные служаки, на которых и держится любая держава. Вот только их слишком много, а потому высокие чины не про них.

Патриоты своего ведомства добиваются гораздо большего. Иногда их даже заносит на самый верх. Это тоже неплохие по сути своей люди, имеющие, тем не менее, существенный недостаток: неприятие успехов соседнего департамента.

Ну а первая категория – самая малочисленная и тоже недолго живущая. Просто потому, что крайний эгоизм, который они проявляют, большинству коллег не по нраву. Даже циники, закаленные в битвах за чины и награды, все-таки считаются с мнением той среды, где они возвращаются.

Барон Берг Анатолий Николаевич был разумным бюрократом. Делая карьеру, он и про родное ведомство не забывал, а иногда учитывал и государственный интерес. Но последнее – только иногда. Сейчас он как никогда был озабочен именно ведомственным интересом. Ведомство это – Министерство государственной безопасности – сейчас переживало не самые лучшие времена. Министерство финансов все норовило урезать бюджет «опричному ведомству». Тем, кто был занят внешним сыском, волноваться не стоило. Необходимость их работы пока никто не подвергал сомнению. Зато занятым поиском внутреннего врага могло не поздоровиться. Нет этого врага, как ни ищи его! Не считать же ими наркоторговцев да казнокрадов! Теми как раз есть кому заняться и без рыцарей МТБ.

Ну а коль врага нет, то для собственного благополучия его все равно стоит найти. Правда, есть тут проблема. Даже тех, кто занят подрывом самих основ, не всегда можно безнаказанно «тащить и не пущать». Например, преследовать педофилов с содомитами не выйдет. Их права очень неплохо защищены. Иностранцев трогать тоже не велено, разве что крайнее зверство учинят. По методу исключения выходило, что искать врагов Российской империи следует исключительно среди русских православного вероисповедания и гетеросексуальной ориентации.

Поняв эту истину, стоило если не найти врага, то хотя бы создать видимость его существования. Вот этим Анатолий Николаевич и занимался. Не он был в этом деле первым, и наверняка не он будет последним. Но чего только ни сделаешь для себя и родного ведомства! Все имеющиеся в империи организации русских шовинистов созданы были его коллегами. Правда, будучи искусственно созданными, они и выглядели бледно, а потому в глазах правительства и общества опасными не считались. И стоит ради таких клоунов содержать немалый аппарат тайной полиции?

Всю пагубность и несерьезность такого подхода барон прекрасно понимал. Поэтому он и решил идти совсем иным путем. За основу нужно брать сообщество, сложившееся естественным путем и не получающее преференции от государства. Несправедливым отношением к этим людям можно создать им неплохую рекламу. Общество любит сочувствовать гонимым, а значит, ряды внутренних врагов умножатся до заметной величины. Тут главное не перебор-

щать. Нельзя доводить людей до того, что они действительно станут опасными для государства. Главное, чтобы их количество оправдывало затраты на содержание аппарата тайной полиции.

Анатолий Николаевич не только рассуждал на этот счет. У него уже был готов неплохой план действий. И все необходимое для такого сообщества имелось. Вот скажите на милость, чем плохи любители самодеятельного спорта? Очень даже хороши! Любому адвокату показывай – не найдет он в рядах этих голубчиков представителей сексуальных меньшинств. Следовательно, скрытые гомофобы! И вероисповедание у них правильное – православное. Значит, религиозная нетерпимость возможна. Ну а то, что среди них нет ни одного нерусского, – это вообще находка! Великорусский шовинизм в XXI веке никто одобрять не станет. Значит, работаем с ними! Скажите, что должен быть лидер? Есть такой! Вернее – такая:

Миронова Мария Ивановна, девица двенадцати лет от роду. Русская, православного вероисповедания. Дочь Миронова Ивана Кузьмича, мещанина города Санкт-Петербурга, и Мироновой (Купцовой) Василисы Егоровны, мещанки города Санкт-Петербурга.

Указанная девица четыре года назад начала самодеятельные занятия бегом на длинные дистанции и выдуманым ею паркурим. Последнее, по мнению чинов полиции, является крайне опасным для общества деянием, ибо по уверению сей девицы, «нет границ, есть лишь препятствия, и любое препятствие можно преодолеть». Помимо указанной самовольной деятельности, Мария Миронова регулярно занималась спортивными танцами с элементами балета на частных курсах супругов Максимовых.

Несмотря на свой юный возраст, она сумела соблазнить здоровым образом жизни многих детей, проживающих в районе Обухова. По сведениям, имеющимся у районного отделения Петербургского управления МГБ, в ряды секты так называемых «мироновцев» вступило порядка полутора сотен детей разного возраста.

В секте была принята строгая дисциплина сродни армейской. За любое ее нарушение следует сперва предупреждение, а затем изгнание из сообщества. В повседневной жизни сектанты следовали строгому моральному кодексу, автором которого и являлась руководящая всем этим экстремистка. Адептам секты категорически запрещалось потребление алкоголя и наркотических веществ. Приветствовалась всяческая помощь ближнему своему и действенная защита слабых и беспомощных. Всяческому презрению подвергались лица, проявившие любую трусость в опасном деле...

Сам лично Анатолий Николаевич никакой антипатии к столь замечательной личности не испытывал. Более того, он вполне сочувствовал и тому делу, что Миронова затеяла. Но, господа! Что будет с Россией, если этим людям дать слишком много воли? Вы хоть понимаете, как они отнесутся к тем, кто с ними не согласен? Многим ли из приличной публики найдется место в России, если «мироновцы» добьются преимуществ в деле воспитания общества? А они вовсе не травоядные:

Не удовлетворившись только лишь личным физическим совершенствованием, «мироновцы» начали активно вмешиваться в личную жизнь посторонних граждан. В частности, боевики секты, руководимые братом Марии Мироновой, Иваном Ивановичем Мироновым, шестнадцати лет от роду, провели самовольную силовую акцию «Безопасная улица». Используя навыки, полученные на занятиях русским боем, они изгнали из мест постоянного времяпрепровождения лиц, страдающих от алкогольной и наркотической зависимости, и прочих поднадзорный у городской полиции асоциальный элемент. Последствием этого явился недопустимый уровень концентрации сих элементов в других местах, которые не посещают сами «мироновцы». Это обстоятельство сильно осложнило нормальную работу городской полиции.

Считаете, что это прекрасно? Вообще-то барон так и считал. Вот только шутки с правами человека ничем хорошим не кончались, ибо опасны они. Для кого? А сами подумайте! Сегодня алкаши с наркоманами, завтра хулиганы с дебоширами, а послезавтра и до извращенцев дело дойдет. Как вы думаете, до чего докатятся эти любители здорового образа жизни? Кто поручится, что они не затеют еврейский погром?

«А ведь это мысль! Есть у меня на примете один жидяра – Леонид Гозман. Этот на правах кого попало всегда был помешан. И ведь не просто крикун, а работник уважаемой адвокатской конторы. Его подзудить как следует, а дальше и прищипоривать не надо. Сам будет рвать и метать, но засудить „мироновцев“ постарается. А мы ему как раз и подсунем свинью. Кем в глазах общества будет выглядеть Гозман, решивший засудить наивную девчонку, живущую чистой и праведной жизнью? Вот в этом и весь смак! Злодей против детей! Пожалуй, хороший слоган. Вот только кто саму Марию защитит на суде?»

Вообще-то такой человек на примете был. Тоже адвокат и тоже еврей. И квалификации к тому же хорошей. Если его удастся натравить на Гозмана, то все будет выглядеть чисто, никакой предвзятости. Еврей вступил в состязание с евреем. Но тут была одна проблема: Соломон Абрамович Ривкин себя высоко ценил и даром никогда не работал. Потянуть обычный его гонорар семья Мироновых не сможет. Разве что сочувствующие скинутся и помогут. Но это еще неизвестно, выйдет или нет. Значит, нужно самому позаботиться, чтобы Ривкин по собственному почину кинулся в бой. А ведь это вполне возможно! Во-первых, Ривкин и сам не переваривает Гозмана, а во-вторых, сын самого Ривкина был искалечен бандой наркоманов. Уже поэтому «мироновцы» должны вызывать у него симпатию.

А вот это как раз не факт. Ривкин может решить, что просто одна банда выгнала другую и никаких благородных мотивов тут нет. Значит, придется самому с ним беседовать на эту тему. А чтобы он проникся, нужно ему аудиозапись Машиных сказок прокрутить. Уж они должны ему о многом поведать.

Хорошенько подумав еще раз, Анатолий Николаевич решил отказаться от намерения лично побеседовать. Господин Ривкин может быть сколь угодно сентиментальным, но наивным он вряд ли будет. Адвокат, как и полицейский, видит в этой жизни столько грязи, что казенное увещание на него нужного впечатления не произведет. Сразу поймет, что «опричника» от него нужно совсем не то, о чем они просят вслух. А поняв, вряд ли проявит нужную старательность. Уж лучше его подвести к нужным выводам тихо и незаметно. Что у нас любит почитать господин адвокат? «Невское время»? Вот и будем ему через газету на сознание воздействовать!..

Вечером, после службы, Анатолий Николаевич по обыкновению своему посетил Аглицкий клуб – заведение старинное и почтенное. Кого попало в такие места не пускают, поэтому новых лиц там редко встретишь. Как правило, все друг друга давно уже знали, и постоянные компании уже давно сложились. Поэтому представлять барона газетному королю Руднову нужды не было. Вот с ним он и побеседовал за карточным столом на темы второстепенные. Посетовал на оскудение литературных талантов и невнимание людей культурных к народному творчеству.

– Право, Анатолий Николаевич, вы и скажите. Какое творчество ныне у народа? Сплошь бездарные вариации на мотивы каторжных песен. На их фоне даже старинные матерные частушки выглядят образцом безупречного вкуса. А уж подражание нынешних певцов негритянской манере проговаривать под музыку текст...

– А тут вы, Олег Константинович, в корне неправы. Безвкусицы ныне действительно много, но все же живительный родник творчества народного еще не иссяк. Есть в наших Палестинах весьма способная сказительница, которая, несмотря на юный возраст, достойна внима-

ния самой госпожи Алексеевой. Вот только скромность вперед таланта родится, и потому прекрасные творения неизвестны широкой публике. А зря!

– Алексеевых много. Вы не ту особу имеете в виду, что у меня в «Невском времени» литературный раздел ведет?

– Именно ее, голубушку, я и поминал сейчас.

– Ну, раз вы в курсе, кто и чем у меня занят, то почему бы по почте не скинуть ей образцы этого творчества?

– Если с вашей стороны возражений не будет.

– С моей? А скажите мне честно, Анатолий Николаевич, эти народные сказки действительно чудесны или вы просто взялись покровительствовать кому-то из ваших знакомых?

– А вы сами попробуйте их оценить. Правда, наше юное дарование не стремится к широкой известности и ничего не записывает, только рассказывает, но несколько ее вещей у меня в звуке есть.

На следующий день, переслав по почте Руднову соответствующую аудиозапись, барон стал наблюдать за результатом. Тот не замедлил явиться. По докладу службы наружного наблюдения, уже к вечеру к Мироновым примчалась как нахлыстанная сама Татьяна Алексеева. Дела пошли в нужном Бергу направлении. Оценив сказки по достоинству, Алексеева самолично взялась за их литературную обработку и скорейшую публикацию в своем разделе. А спустя неделю Руднов лично позвонил ему и поблагодарил за наводку. Сказки о девочке, проводящей школьные каникулы в межзвездных путешествиях, стали мгновенно популярны среди читателей разных возрастов.

Первая часть дела сделана. Вряд ли Ривкин оставит эту сенсацию без внимания. Тем более что Татьяна Сергеевна не просто опубликовала сии произведения, но и сопровождала их восторженной статьей.

А теперь в эту бочку меда стоило добавить нужную порцию дегтя. В качестве ложки был выбран канал Городской криминальной хроники, который так любил смотреть господин Гозман. Ну а наполнить эту ложку дегтем или еще чем похуже корреспонденты канала должны были по своему разумению. И они оправдали возлагаемые на них надежды! Истеричные репортажи про обуховскую банду школьников, которые не дают спокойно жить местному населению, имели успех у зрителей. Репортеры и здесь не ударили в грязь лицом и все разложили по полочкам. В репортажах было все: и накачанные адреналином лица русской национальности, и убогие мозги православных мракобесов, и намеки на преступное благодушие общественности, и смелые предположения о скорых погромах.

Репортажи такого плана обычно ненадолго привлекают внимание зрителей. Наблюдая за реакцией общественности, Берг с некоторым разочарованием понял, что его расчеты на бурную реакцию правозащитников не оправдались. Им, оказывается, и дела не было до того, что кому-то там в подворотнях морды быют. Вот если бы им лично перепало, тогда да. Тут они готовы на весь свет кричать о крушении основ правовой системы государства. Анатолий Николаевич уже грешным делом подумывал о том, чтобы подстроить нападение группы неизвестных хулиганов на светило российского правозащитного движения, но, хорошенько подумав, отказался от этой идеи. Все дело было в том, что такой случай без последствий не оставят. Расследовать его будут непременно, и на тормозах спустить это дело никому не позволят. А расследует бытовые преступления не тайная, а обычная полиция. Сыскари у фараонов всяко лучше и опытней, чем у опричников. Просто потому, что практики больше. Тот же знаменитый на весь Питер Зельдович, разгрызет этот орешек, не напрягая челюстей. Истина быстро всплывет, и разразится межведомственный скандал. МВД и МТБ и так живут как кошка с собакой, а тут такой повод макнуть конкурента мордой в собственное дерьмо! Большой шум вряд ли подымут. Министры между собой сумеют договориться. Но ему, подполковнику Бергу, начальство не простит промаха. В зависимости от величины скандала, последствия могут быть

разными. Если удастся скрыть от общественности корни творимого безобразия, то все равно на дальнейшей карьере можно ставить крест. Ну а если сочтут, что скрывать личность виновного нецелесообразно – тогда придется подавать в отставку.

Ломая голову над тем, что тут еще хорошего можно придумать, барон упустил из виду один существенный момент, который как раз и мог сработать в пользу его плана. Впрочем, нашелся такой человек, который сумел вдохнуть в его план новую жизнь. Все началось со звонка собственного начальства.

– Анатолий Николаевич! – Проводивший утреннее селекторное совещание генерал-майор Голицын, в нарушение обычного порядка, начал это совещание сразу с разноса. – Похоже, что вы не видите того, что творится у вас под носом! Почему-то я об этом узнаю не из вашего доклада, а из письма городской прокуратуры.

Недоумевать барону пришлось долго, ибо начальственный разнос был многословным и не содержал никакой конкретики. Пришлось тупо обещать во всем разобраться и принять меры.

– Сейчас адъютант перешлет вам скан этого письма. Надеюсь, что в дальнейшем вы не станете подводить ни меня, ни нашу службу. – Этими словами Голицын закончил выражение своего недовольства и перешел к повседневным делам.

Спустя полчаса по почте пришло обещанное послание. Ознакомившись с ним, Берг облегченно вздохнул: затеянная им интрига получила развитие в нужном ему направлении. Гозман клюнул на провокацию и бросился в бой. Правда, барон к этой провокации не имел никакого отношения. Тут постарался совершенно посторонний доброхот. Но оно и к лучшему. Ничто не станет указывать на причастность их службы к этой затее. Но вообще-то, положив руку на сердце, стоит признать: упустил он из виду одно важное обстоятельство – наличие в России движений за народную трезвость. А ведь это еще те субчики-голубчики! Удачно вышло, что эти чудачки выползли на свет Божий и потянулись к «мироновцам». То, что эти чудачки далеко не безобидны, Анатолий Николаевич знал по долгу своей службы. Обыватели уже не помнили о том, как сто лет назад в России полыхала самая настоящая война, с орудийными залпами, погибшими и пленными, с победителями и побежденными, с судилищем над поверженными и празднованием одержавшими победу и получившими контрибуцию. Баталии той неизвестной войны разворачивались на территории двенадцати губерний Российской империи – от Ковенской на западе до Саратовской на востоке.

Эту войну еще именовали Бунтами трезвости, потому что крестьяне отказывались покупать вино и водку, давали зарок не пить всем селом. Почему они это делали? Потому что не хотели, чтобы за счет их здоровья наживались откупщики – те 146 человек, в чьи карманы стекались деньги от продажи спиртного со всей России. Водку откупщики буквально навязывали. Если кто не хотел пить, ему все равно приходилось платить за нее: такие тогда установились правила... В те годы существовала практика: каждый мужчина приписывался к определенному кабаку, а если он не выпивал своей нормы, и сумма от продажи спиртного оказывалась недостаточной, то недобренные деньги кабатчики взымали с дворов, приписанных к кабаку. Тех же, кто не желал или не мог платить, наказывали в административном порядке в назидание другим.

Русские люди отвернулись от кабака не столько из-за жадности, сколько из-за принципа: трудолюбивые, работающие хозяева видели, как их односельчане один за другим пополняют ряды горьких пьяниц, которым уже ничего, кроме выпивки, не мило. Страдали жены, дети, и, чтобы прекратить расползание пьянства среди сельчан, на сходах общины всем миром решали: «В нашем селе никто не пьет!» Что оставалось делать виноторговцам? Они сбавили цену. Рабочий люд не откликнулся на «доброту». Шинкари, чтобы сбить трезвеннические настроения, объявили о бесплатной раздаче водки. И на это люди не клюнули, ответив твердым: «Не пьем!»

К хлебобородам присоединились и горожане: рабочие, чиновники, дворяне. Поддержали трезвость и священники, благословлявшие прихожан на отказ от пьянства. Это уже не на шутку испугало виноделов и торговцев зельем, и они пожаловались правительству.

Тогда министры финансов, внутренних дел и государственных имуществ издали распоряжения по своим ведомствам. Суть тех указов сводилась к запрету... Трезвости! Местным властям предписывалось не допускать организации обществ трезвости, а уже существующие приговоры о воздержании от вина уничтожить и впредь не допускать.

Вот тогда-то, в ответ на запрет трезвости, по России и прокатилась волна погромов. Начавшись на западе страны, бунт дошел и до берегов Волги. Крестьяне громили питейные заведения в Балашовском, Аткарском, Хвалынском, Саратовском и во многих других уездах.

В Вольске трехтысячная толпа разбила винные выставки на ярмарке. Квартальные надзиратели, полицейские, нестроевые команды и солдаты артиллерийской бригады тщетно пытались утихомирить бунтующих. Восставшие разоружили полицию и солдат, выпустили из тюрьмы заключенных. Только через несколько дней прибывшие из Саратова войска навели порядок, арестовав 27 человек (а всего по Вольскому и Хвалынскому уездам в тюрьму бросили 132 человека).

Всех их следственная комиссия осудила по одному только показанию кабацких сидельцев, оговоривших подсудимых в расхищении вина: громя кабаки, бунтовщики не пили вино, а выливали его на землю. На деле же не было замечено ни одного случая воровства, деньги расхищали сами служащие питейных заведений, списывая пропажу на восставших.

Всего только по одному Вольскому уезду было разбито 37 питейных домов, и за каждый из них с крестьян взяли большие штрафы на восстановление кабаков. Принимавших участие в трезвенническом движении солдат по суду велено было «лишить всех прав состояния, а нижних чинов – медалей и нашивок за беспорочную службу, у кого таковые есть, и направить служить в арестантские роты».

Всего же по России в тюрьму и на каторгу отправили одиннадцать тысяч человек. Многие погибли от пуль: бунт усмиряли войска, получившие приказ стрелять на поражение. По всей стране шла расправа над теми, кто отважился протестовать против спаивания народа. Судьи свирепствовали: им велели не просто наказывать бунтовщиков, а покарать примерно, чтобы другим неповадно было стремиться «к трезвости без официального на то разрешения».

Так что благодушествовать действительно не стоило. Сейчас пьянство имеет большие масштабы распространения. А ведь с той поры добавилась еще и наркомания. Вполне вероятно, что и реакция общества рано или поздно станет действенной. Гозман, конечно, тот еще идиот, но тут его чутье сработало в правильном направлении. Как бы нелепо и безобидно ни выглядели те старые филантропки, что умилились при виде юных любителей здорового образа жизни, но это только начало. Что дальше они станут делать, получив в свое распоряжение упорную и энергичную молодежь? Могут ведь и указать тем же «мироновцам», кто виноват и что нужно делать. А уж кого бить и что спасать, у нас и без подсказок могут сообразить.

Глава 4

Нарвались!

Четыре года в Машином теле скучными для меня не были. С самого начала, пытаюсь понять: «А почему именно меня?», я пришла к выводу, что, видимо, ничего хорошего меня в той жизни больше не ожидало. Обидно, конечно, но постаралась воспринимать это как данность. Естественно, что мне было горько и обидно от того, что не увижу дальнейшей судьбы своих родных. Смириться с этим было нелегко, и до сих пор приходится ронять слезы на подушку, тайком от всех, кроме Маши. Вот от нее мне не скрыться. Она все про меня знает. Даже то, во что мне совершенно не хотелось бы ее посвящать. Да куда тут деться? Одна голова на двоих, и та бабья!

Чтобы совсем не раскиснуть, я сосредоточилась на Машином воспитании. Да какое, собственно, это воспитание? Прежде всего я учила ее готовить самые обыкновенные блюда. Конкуренции в этом со стороны ее матери я могла не опасаться. Сама Василиса Егоровна, как и большинство здешних хозяек, готовить совершенно не умела. Ее кулинарные таланты ограничивались лишь умением подогреть купленную в магазине упаковку с готовым блюдом.

Поэтому, как только она убедилась в том, что блюдами, которые приготовила ее дочь, никто не отравился, она без разговоров уступила нам кухню.

Следующим занятием, не дававшим нам помереть со скуки, было рисование и лепка. Тут тоже больших проблем не возникло, ибо нужными способностями Мария обладала. Гораздо тяжелей обстояло дело с физическим развитием. В этом мире не было такого понятия как массовый спорт. Был спорт высоких достижений и спортивные клубы для сливок общества. Впрочем, те тоже не особо жаловали подобные увлечения, поэтому основными посетителями спортклубов были лишь те, кто был не на шутку озабочен красотой собственного тела: актеры, проститутки, альфонсы да разного рода извращенцы.

Были и те, кто занимался спортом самостоятельно. Но эти люди были незаметны на фоне общего бескультурья. Окружающие меня люди – это, по большей части, мужчины с пивными животами и женщины с целлюлитом. Благодаря этому обстоятельству, модельеры создавали не такую одежду, которая подчеркнет достоинства фигуры, а такую, которая скроет ее недостатки. Естественно, что в первую очередь женщины вели борьбу с избыточным весом. Как правило, с помощью диет и разнообразных препаратов. Результат этой борьбы взор не радовал. Самые успешные участницы этой борьбы демонстрировали нездоровую, в общем-то, худобу. Люди явно не понимали того, что есть разница между стройной ланью и тощей клячей. Что стройность фигуры – это прежде всего правильные пропорции тела, дополненные правильной осанкой. Что физическая красота всегда должна дополняться точными, свободными и оттого красивыми движениями.

Все это я знала не понаслышке. В прошлой своей жизни я не была ослепительной красавицей, но выглядеть выигрышно на фоне ровесниц умела. И косметика играла тут второстепенную роль. И уж коль судьба мне подарила вторую жизнь, то тем более глупо менять полезные привычки.

Итак, для начала – обычный бег по утрам и вечерам. В сопровождении недовольного братца. Тому гораздо приятней было тусоваться с пацанами. А наматывать круги в компании со свихнувшейся сестрой он явно не желал. Честно говоря, большого желания видеть его вечно недовольную рожу у меня не было. Вот только маманя была свято уверена, что в отсутствии братца я сразу стану жертвой нападения алкашей, наркоманов, маньяков и прочих злодеев. Лично я сомневалась в способности Ваньки хоть кого-то защитить. Впрочем, убежать ему тоже будет трудно. Хотя как знать? Меня он без особого труда догонял.

Главная причина Ванюшиной лени была мне известна давно. Детям скучно выполнять монотонные упражнения. Вот если внести в занятия элемент состязательности... Хорошенько подумав, я дополнила бег паркур. Раньше я им никогда не занималась, и тут он тоже известен не был. Но разве пацану неинтересно лазить по заборам или деревьям? Сработало! Братец оживился. А когда у нас появились подражатели, то он получил все, что ему для счастья не доставало: тусовка и состязание. Так у нас начала складываться своя компания по интересам.

Вторым камнем преткновения в отношениях с братом стали мои занятия танцами. Все началось с того, что в результате настойчивых поисков, я нашла тех, кто с удовольствием стал бы учить детей тому, что умели сами. Супруги Максимовы, профессиональные танцоры, после того как вышли на пенсию, обнаружили что им нечем заполнить свое свободное время. И тут я со своим предложением! Зарегистрировать школу танцев проблем не составило. Набрать нужное количество желающих научиться танцевать – тоже. Проблема с арендой помещения – и тут был полный порядок. Как только все это было пройдено, начались занятия, а точнее муштра. Что Софья Владимировна, что Алексей Андреевич – скидок на лень и природное разгильдяйство не делали.

И опять была проблема с Ванькой. Танцы ему совсем не интересны были. Необходимость отводить и встречать меня в дни занятий его откровенно бесила. Да я и сама бы отказалась от его сопровождения, но убедить родителей в том, что я и одна не пропаду, у нас не вышло.

Все изменилось в тот день, когда Василиса Егоровна, посмотрев в окно, сказала:

– Ваня, Маша! Сегодня никуда не идете!

– Мам! А почему?

– Там наркоманы во дворе сидят.

– Мамочка! А вызвать полицию нам нельзя?

Оказывается нельзя. Не имеет право полиция мешать гражданам Российской империи проводить время так, как они хотят. И что тут делать? Вариант, что мы с Ванькой тихо и незаметно просочимся мимо, был нереальным. Рассчитывать на чью-то помощь? На чью интересно?

Пришлось послушаться родителей. Но вот то, что по милости этих уродов нормальные люди будут ходить, прижимаясь к стенке, настроение испортилось совсем. С этого дня мы с братом вставали пораньше только потому, что лишь ранний выход из дома гарантировал то, что к тебе не пристанут уроды, нуждающиеся в очередной «дозе».

А один раз мы с трудом от них спаслись, когда они обратили на нас свое внимание. Спасло умение бегать и преодолевать препятствия. Ну и страх добавил сил и быстроты. Один раз повезло. Но сколько времени будет еще везти? И самое главное, кто наводил страх на детей и взрослых? Подростки, которые ничего из себя не представляли в физическом плане. Те, которые опасны, только когда собрались толпой. Чье главное достоинство состояло в подлости, жестокости и безнаказанности. Вот именно, в безнаказанности. Жаловаться на них в полицию было делом бесполезным.

По здешнему российскому либеральному законодательству, дети до тринадцати лет вообще не подсудны. Если двухметровый громила вырывает у вас сумочку и пинает ногой в живот, причем среди бела дня, то он делает это не потому, что такой смелый, а потому что знает: он ничем не рискует, ему семнадцать с половиной лет, и в худшем случае, после сотого привода в полицейский участок ему дадут три месяца условно. В газетах такого громилу будут ласково именовать «ребенок». Полная уголовная ответственность тут начинается с восемнадцатилетнего возраста. В КРОСЕТе проскользнуло сообщение, что в Автово был арестован восемнадцатилетний юноша, который терроризировал этот пригород в течение трех лет. Он вырывал у пожилых людей сумки и кошельки, а если старушка упорствовала, избивал ее. Полиции были прекрасно известны его подвиги, но она перестала его арестовывать – какой смысл? Приведут «ребеночка» в участок, и в тот же день, после душещепательной беседы,

судья выпускает его на свободу. И вот только недавно, когда милый мальчик достиг совершеннолетия, его арестовали, начали расследование и выяснили, что на совести у шалуна более пятисот ограблений и избиений. Он их совершал от четырех до семи в день. Думаю, что такая регулярность и работоспособность даже взрослому матерому преступнику не по силам.

Из-за того, что правительство без меры озаботилось правами уродов, жизнь нормального русского человека могла превратиться в кошмар. И что тут делать? Нанять телохранителя? Вообще-то не все могут себе это позволить. Да и проблему это никак не решит. Теоретически охранник может оказать сопротивление нападшим, а на практике не станет этого делать. Почему? Да потому что за избитого хулигана немедленно вступятся орды правозащитников, которые с воплями о нежном возрасте пострадавшего ублюдка легко докажут, что телохранитель превысил меры необходимой самообороны. И сидеть спасителю пять лет в тюрьме. И это еще легкий случай. Если пострадавший хулиган окажется инородцем или каким-нибудь меньшинством... В общем, за инородца можно схлопотать дополнительные пару-тройку годов тюрьмы. А за «меньшевика» – десять лет вам гарантированно отвесят.

– Вот же уроды! Представляешь, Маш, если я этих уродов изобью, тогда закон будет на моей стороне. Потому как я малолетка. А как я это сделаю?

Нужно было что-то делать, ибо сидеть и дрожать из-за того, что «нарики» облюбовали именно твой двор в качестве тусовочного места, было не только страшно, но и противно.

– Ваня, миленький! Ну нельзя же всю жизнь сидеть и дрожать! Ну придумай что-нибудь! Собери своих пацанов, да побейте их!

– Как я это сделаю? Как пить дать все сдрейфят.

– Ага! Сестру твою поимеют у тебя на глазах, а ты стоять будешь и штаны дерьмом наполнять! Сволочи вы, пацаны, и трусы!

– Машка! Заткнись! – достало брата все-таки.

– Ага! Сестре рот затыкать ты умеешь, на это у тебя смелости хватает... А как постоять за нее, то сразу: «Я не мужик!»

Тут Ивана натурально затрясло. А я продолжала сама заводиться и его заводить. Все, что я могла придумать обидного в его адрес, выплеснула ему в лицо. В итоге он не выдержал и ударил меня по лицу. Все, что я смогла сделать, это вскочить и размазывая сопли вперемешку со слезами, внезапно напасть на него и укусить. Впервые в своей жизни, что в той, что в этой, я с кем-то дралась. На шум прибежали родители и разняли нас. Разнять разняли, а вот успокоить не могли. Поэтому, перед тем как нас разогнали по своим спальням, я крикнула:

– Отныне ты мне не брат! Слышишь, чмо нерусское? Больше не зови меня своей сестрой!

Повеселились, елки зеленые! Обидно было. Впервые в жизни меня ударили. И кто? Родной человек? Но разве в нем все дело? Остальные были ничем не лучше. Там, в прошлой жизни, я твердо знала, что в случае чего меня защитит отец, муж, сын. А здесь на кого надеяться? Неужели главной целью развития является превращение людей в трусливое стадо? Есть ли здесь те русские мужики, которые умели не птясь встречать лицом к лицу любую беду? Неужели это потомки тех, у кого враги пощаду вымаливали? Остались ли еще тут богатыри духом?

– Тетя Ира! Неужели все так плохо и безнадежно? Ну придумай же что-нибудь! Ведь ты такая умная!

– Не поможет тут, Маша, ничей ум, если мужики храбрость утратили. Понимаешь, нормальным мужикам труда не составит решить эту проблему. Да и не проблема это вовсе. Там, где правильные пацаны, сволота на Божий свет не лезет.

Половину ночи мы не могли уснуть. А потом открылась дверь, и в спальню тихо зашел Ванька.

– Машка! Ты не спишь? – спросил он шепотом.

– Че приперся? Я тебя не звала!

– Маш, ты прости меня, вот крест святой – никогда больше пальцем тебя не трону! – И братец перекрестился, скрепляя данное обещание.

– Что? Совесть заела? А как маленьких бить, она в гостях была?

– Ну что еще мне сделать, чтобы ты простила?

По уму, нужно было прекращать вспыхнувшую внезапно вражду.

Честно говоря, нам это было нелегко. Прекрасно заметный «фонарь» под глазом, который еще нужно было как-то скрыть, не располагает к всепрощению. И все-таки примирение пусть и не сразу, но состоялось. В кои-то веки, братец был добр и внимателен к своей сестре. Остаток ночи мы просто сидели и говорили о том, как нам теперь быть. Так ничего толкового и не придумав, мы пошли в школу. В классе меня все замучили вопросами по поводу внушительного бланша. Но если от одноклассников удалось отбиться, то от вызванной учителем дамы из Департамента социальной службы отделаться не вышло. Все мои уверения в том, что родители не имеют никакого отношения к случившейся со мной неприятности, на нее не произвели ровно никакого впечатления. Чиновница начала оформлять протокол о том, что я живу в неблагополучной семье и родители мои подвергают меня избиениям. А раз я отрицаю все это – запугали меня изуверы! А затем, после того как в протоколе в качестве свидетелей расписались два педагога, мне сообщили, что в семье мне пока делать нечего, что меня сейчас отвезут в интернат для девочек – жертв домашнего насилия... Попала! А что будет с родителями? А их, оказывается, будут судить! И суд еще посмотрит, стоит ли за ними сохранять родительские права! Ну, братец, натворил ты дел! Жаль, что тебя рядом нет, придушила бы собственными руками! Что? И его в интернат?

– Маша! Ты куда? Пстой!

– Идите на...

Рванув резко с места, я выскочила из учительской и побежала напрямик к Ванькиному классу. Плевать, что сейчас идет урок! Брата спасать надо!

Ей богу, это была не моя реакция, а Машина. Я тут ничего поделать не могла, все-таки настоящей хозяйкой этого тела была именно она. Перехватить управление телом? У меня не вышло. А моих увещеваний она не слушала. Ворвавшись в класс посреди урока, Маша отчаянно закричала:

– Ваня! Бежим отсюда! За нами эсэсовцы пришли, хотят нас в сиротский дом отправить, а маму с папой в тюрьму посадить!

Вот те на! Знакомое словечко! Оказывается, им тут родители пугали непослушных детей. «Вот вызову эсэсовцев, и они отправят тебя в сиротский дом!» Эсэсовцы – тут так прозвали инспекторов социальной службы.

– Вот она! Помогите ее отвести в машину! – услышала я позади себя голос запыхавшейся чиновницы.

В ту же секунду я была схвачена школьным охранником. Начала вырываться – бесполезно! Его силы и мои даже сравнивать не стоит.

– Отпусти ее, сука! – это уже подскочивший к нам Ванька. – Кому сказал, отпусти ее!

– А вы тоже собирайтесь с нами, – противным голосом начала эсэсовка.

И тут произошло то, чего я совсем от брата не ожидала. Внезапно, с прыжка, он влепил кулаком охраннику в переносицу. Лицо охранника залила брызнувшая из носа кровь, и от неожиданности он выпустил меня.

– Бежим, Маша!

Гнался ли кто за нами, я не знаю. Да если бы и пытался, все равно у него ничего бы не вышло. Все-таки занятия бегом и паркуром сделали свое дело. Не разбирая дороги, с ходу преодолевая препятствия, мы добежали до двери родной квартиры. Родителей в это время, естественно, дома не было.

– Что делать теперь будем? С эсэсовцами шутки плохи. Они действительно нас могут в приют упечь.

– А здорово ты ему врезал! Как это у тебя вышло?

– Сам не знаю. Наверное, потому, что испугался за тебя. Так что делать теперь?

– Почему ты меня спрашиваешь? Ты у нас старший! Тебе и думать.

– Не лезет ничего в голову. Может, у тебя что выйдет? Ты ведь у нас еще та выдумщица.

– Уже вышло! Явились соколики! – А это уже не Маша, а я. Как только стресс прошел, я попросила Машу во всем довериться мне и ничего не делать самостоятельно.

Между тем в окно было видно, как, распугав тусовку гопников, во двор въехал полицейский микроавтобус.

Стоило ему остановиться, как из него быстро выскочили штурмовики спецназа. Следом за ним такой же микроавтобус скорой помощи, а за ним... Боже мой! Когда это они узнали! Телевидение пожаловало!

– Так что, Маша, делать будем?

– Одеваемся, закрываем квартиру. И сдаемся.

– Зачем тогда бежали?

– Верхнюю одежду захватить. Ты ведь не хочешь простуду подцепить. Хватит тарашиться, одевайся быстрее, пока они на штурм не пошли!

Штурм нам действительно был не нужен. Ведь спецназу все до лампады. Дверь выломают, нас схватят и уведут, а за квартирой кто присмотрит? Тем временем по громкоговорителю раздался призыв к добровольной сдаче, а спецназовцы уже вошли в подъезд.

– Собрался? Пошли, чего заставлять людей ждать?

Пока спускались по лестнице, ведь лифт наверняка уже обесточили, я провела быстрый инструктаж:

– Сейчас сдаемся без сопротивления. Рыпаться и качать права незачем. Далее, о том, что это ты мне глаз подбил – ни слова! Нас тогда просто разведут с тобой, а родителей все равно накажут, за то, что эсэсовцам про это не донесли. Понял?

– Понял. А дальше...

– А дальше я говорю, что эта эсэсовка ко мне на улице приставала, а когда я начала вырываться, она меня ударила.

– Машка, да кто тебе поверит?

– Все, молчим и сдаемся.

Вопреки тому, что показывают по ТВ, спецназовцы не стали нас ни класть на землю, ни надевать наручники. Нас просто окружили и проводили до отсека для задержанных.

А потом было разбирательство, во время которого я и обвинила эсэсовку в домогательствах. С точки зрения закона, грош цена была моим показаниям, ведь мне не было еще двенадцати лет. Но, как говорится, осадочек остался. Тут я попала в самую точку. Инспекторов и воспитателей этого департамента и раньше ловили на нарушении этики. Так что поверили скорее мне, чем этой мегере. Тут и адвокат наш подсуетился, собрав свидетельства о благонамеренном поведении что нашем, что наших родителей. Ну а то, что Иван бил охранника, защищая сестру от домогательств... Вообще-то здешний закон не любил, когда граждане оказывали сопротивление должностным лицам. Просто сочувствие судьи, женщины семейной и обремененной детьми, было на нашей стороне, а не на стороне незамужней бездетной стервы. Приговор был вынесен по принципу «ни вашим, ни нашим». Каждый остался при своем мнении и без последствий, если не считать возмещения охраннику за разбитую переносицу.

Вы спросите, а не совестно ли мне было поклеп на эсэсовку возводить? Не совестно! Потому, что у той совесть начисто отсутствовала. Жалеть стерву, готовую при малейшем подзвоне и без проверки доноса рушить семью, я не собиралась. Нормальный человек за такую работу браться не будет. Ну а ненормальным нечего потакать своей покорностью.

Глава 5

Правила русского боя

Просто так от эсэсовцев мы не отделались. Не сумев одолеть нас в судебной тяжбе, они не оставили надежды на то, что рано или поздно, но мы окажемся на их крючке. Поэтому, уже знакомая мне инспекторша Департамента социальной службы взяла себе за правило раз месяц навещать нашу семью. Право на проведение таких инспекций у этих сволочей было. Мы догадывались о том, что кроме этих визитов, в ходе которых нам задаются вопросы мутного содержания, проводится сбор слухов и сплетен со стороны. Один раз, выглянув в окно, мы с Ваней увидели, как она о чем-то беседует с местной алкашкой. В том, что нам готовят какую-то пакость, я нисколько не сомневалась. Вот так мы и жили, ежедневно готовые к разного рода провокациям против нашей семьи.

В школе мы с братом старались вести себя как можно тише и незаметней. А вот это не совсем получалось. После того, как Ваня на глазах у целого класса вырубил с одного удара взрослого мужика, к нему пришла слава. К нему потянулись разного рода любители потеряться возле знаменитости. Не обошли вниманием и меня. Сводку новостей про то, как нас брал полицейский спецназ, видели все. Поэтому те, кто был явно не интересен брату, начали обхаживать меня. Никому не пожелаю такой славы! Единственным положительным моментом во всем этом было то, что наша группа здоровья выросла численно. Кто-то приходил и, посетив пару занятий, уходил. Но кто-то оставался и продолжал занятия. Увеличилось и число желающих посещать уроки танцев. Супругов Максимовых это необычайно обрадовало. И дело тут было не в возросших доходах.

– Мы с Алексеем Андреевичем являемся сторонниками активного долголетия, а вы, ребята, держите нас в нужном тоне, – объяснила нам свою точку зрения Софья Владимировна.

Впрочем, такие признания никак не отражались на их требовательности. Каждое занятие по танцам было, по сути дела, жесточайшей муштрой. Не все это выдерживали. Кто-то бросал все и уходил. Наверное, треть группы ушло от нас. Но это ничего не меняло для тех, кто остался.

– Только через боль, усталость и отчаянье! Только через муки и слезы! Иначе ничего не добьешься. Учитесь побеждать самих себя! – Это уже Алексей Андреевич внушал нам подобные истины.

– Не жалеете об отставших. Кто легко сдался вначале, тот с такой же легкостью предаст вас потом. – А это Софья Владимировна от себя добавляла.

Насколько они были правы, я рассуждать не стремилась. Достаточно того, что пользу от этих занятий понимали все. Как-то быстро прекратились жалобы на трудности и неудобства. Народ потихоньку втягивался в заданный ритм жизни. Главным результатом этих мучений стало то, что у нас потихоньку складывались группки и компании. А досадно было, и не мне одной, что пацаны не очень-то и жаловали наши танцульки. Неинтересны они были им. Правда, дожидаться нас им приходилось. Тут уж Ванюша постарался. После эпопеи с эсэсовкой он взял за правило всегда меня дожидаться и сопровождать до дома. Так ведь не одна я такая хорошая, поэтому братец поставил всем пацанам жесткое условие:

– Хочешь с нами тусить – ждешь и провожаешь девок до дома!

Возражений это условие ни у кого не вызвало, вот только ждать нас два часа и маяться бездельем ребят не устраивало. Ванюша мне не раз и не два жаловался на то, что пацанам уже надоело попусту время тратить. Нужно было что-то придумать такое, чтобы и мальчишкам

была польза, и нам спокойствие. Целый месяц я ломала над этим голову, а решение пришло в голову неожиданно.

Просто братцу понравились те сказки и рассказы, что неплохо известны в нашем времени и совсем незнакомы здешним обитателям. Читала я в свое время много, поэтому рассказать подходящую к случаю историю из прочитанного проблемой не было. Да и не только из прочитанного. Шло «на ура» и кое-что из увиденного мной. На экране, естественно, увиденного, а не в жизни. Братец ничего не подозревал и ничему не удивлялся. Все это он относил на счет моей богатой фантазии. Да и привык он к этому. Приятели его тоже не высказывали никакого удивления. После того, как я ловко ускользнула от эсэсовки и отмазала брата с родителями, они спокойно воспринимали ссылку на то, что «это Машка Миронова так придумала».

Так вот, однажды мне, как назло, ничего подходящего в голову не пришло, и я скучно и неинтересно поведала Ивану некоторые эпизоды фильма «Бойцовский клуб».

Честно говоря, мне этот фильм не понравился, и я его даже смотреть до конца не стала. Но видели бы вы, как подпрыгнул на месте Ванька!

– Машка! Ты гений! Я всегда говорил, что у тебя золотая голова!

– Врешь ведь, паршивец!

– Ну пусть не всегда я это говорил, но последний год – это точно.

– Ты что задумал?

А задумал он не что иное, как создать свой Бойцовский клуб. Не блистая особой фантазией, Ванька умел сходу оценить пользу от поданного кем-то предложения. Ну а если идея ему сразу нравилась, то отговорить его от ее использования вряд ли у кого вышло. Идея самодеятельного колледжа по мордобою, как раз, по его разумению, решала кучу проблем в его жизни.

Пришлось опять спускать его с небес на землю. Лично я не одобряю драк и никогда не понимала мужчин. То, что мужчина должен уметь в случае нужды постоять за себя, я признавала. Да не просто признавала, а видела на примере отца, мужа и сына, как их готовность к бою заставляла кое-кого поджимать свой хвост. Просто я не хотела, чтобы Ваньке и его друзьям захотелось идти дальше разумной необходимости. Нужно было создать какие-то рамки для проявления мальчишеского буйства. Они ведь не ограничатся простыми занятиями. Обязательно захотят применить на деле полученные умения.

Если бы ими руководил при этом взрослый, много выдавший и потому авторитетный наставник! Он сумел бы не допустить неконтролируемой агрессии. Но чего нет, того нет. Нужно придумывать, как решить эту задачу.

А простого решения тут не существовало. Здешнее общество было слишком травоядным, поэтому рекламой каких-либо боевых умений не занималось. Логика простая: как бы из этого чего не вышло. Секции боевых единоборств, конечно, были, но в небольшом количестве. Обучение в них требовало обязательно участия наставника и было непростым, длительным и дорогим по оплате. Перенимать что-либо у них самостоятельно, опираясь на доступные всем видеозаписи, – дело дохлое. Именно с этого я и начала разговор по сути дела.

– Ваня! У нас нет столько денег, чтобы платить сенсею. Да и учиться всем этим дрыгоножествам долго.

– Ерунда! Твоему паркуру тоже раньше некому было новичков учить. Ничего, справились, своим умом обошлись.

– Значит, своим умом? Через практику, конечно?

– А как еще? Пока ты с девками торчишь на танцульках, мы на заднем дворе и займемся полезным делом.

– А если ты кому-нибудь в рожу опять заедешь?

Отмахиваться от моего вопроса брат не стал. Дело ведь это серьезное. Мы уже убедились на своем примере, что являться в школу с синяком под глазом – чревато. Учителя сразу сообщат эсэсовцам о том, что ученик кем-то избит. Печально то, что если учитель этого не сделает,

то его уволят с соответствующей пометкой. Эсэсовцы, чтобы оправдать свое существование, никого жалеть не станут. Отсидеться по больничной справке? Так врачи тоже обязаны в таких случаях сообщить куда надо! И хрен тут докажешь, что тебя били хулиганы. Служащим ДСС платят деньги за выявление случаев нарушения чьих-то прав. Поэтому они не станут заниматься хулиганами. А вот лишить кого-нибудь родительских прав – это показатель активности и лишние бонусы в карьере. Поэтому они будут из караса творить порося, но своего не упустят.

– Так бой-то будет учебный. Можно сразу договориться, что в морду друг друга не лупим.

– А другие места? Ну, ты понял, что я имею в виду.

– Тоже верно...

– В общем, Ваня, сейчас садись, берешь карандаш с тетрадкой и при мне пишешь правила вашего мордобоя.

– Прямо сейчас?

– Именно! Сперва правила приличного поведения, и только потом о самих приемах. Только так, если не хочешь, чтобы вам все в самом начале обломали.

В том, что начинать нужно с написания уставов, я ничуть не сомневалась. Наверное, сказывалось мое детство в прошлой жизни. Оно прошло у меня в тех военных городках, в которые судьба забрасывала нас вместе с отцом — офицером РВСН⁷. Именно от отца я услышала слова о том, что любой опасный для жизни и здоровья род деятельности должен начинаться с изучения уставов. А если дело новое и незнакомое, значит, их нужно писать самому.

Спустя десять лет:

– Мурат Махмудович, как вы оцениваете русский бой, столь модный сейчас среди нашей молодежи?

– Вообще-то, как положительное явление в нашей жизни.

– Но ведь в обществе существуют вполне обоснованные опасения насчет роста немотивированной агрессии среди молодежи.

– Но почему тогда это самое общество не волнует проблема наркомании? От кого более серьезная опасность: от трезвого подготовленного бойца, способного контролировать свои эмоции и побуждения, или от находящегося под «кайфом» или в процессе «ломки» наркомана?

– Это сложный вопрос, Мурат Махмудович. Я бы не стал тут судить столь категорично. Давайте лучше обсудим то, о чем вы можете судить как профессионал. Насколько эффективен русский бой в сравнении с другими системами рукопашного боя?

– Начну с того, Антон Аркадьевич, что русский бой не является тем, что можно считать самостоятельной спортивной дисциплиной. Не дотягивает он до этого. Кроме того, отсутствие традиций, системного подхода и признанных мастеров не позволяют ему войти в олимпийский список боевых искусств. Да и нет в нем ничего оригинального, что позволило бы его выделить среди прочих дисциплин.

– Но ведь он, судя по отзывам других людей, весьма неплохо продемонстрировал свои преимущества над другими видами боевых искусств...

– Ошибаетесь. Никакими особыми свойствами он не обладает. Обычный новодел, причем созданный людьми, которые никогда раньше не занимались рукопашным боем. Ведь когда в обществе возникла шумиха насчет него, я специально посетил несколько занятий по этой рукопашке. Вы ведь наверняка слышали про их правило: «Если пришел – сражайся!» Вот я и провел несколько схваток с наиболее продвинутыми их ребятами. И знаете, ничего особенного я не увидел. Чтобы оценить их систему по достоинству, я построил бой так, чтобы заставить противников пустить в ход все, чему они научились. При этом я вынужден был придер-

⁷ Ракетные войска стратегического назначения. (Примеч. ред.)

живаться тех ограничений, которые были наложены их собственными правилами. И что? Во всех схватках я одержал уверенную победу!

– Но ведь вы сами говорите о том, что собственных мастеров высокого класса у поклонников русского боя еще нет. Может, в этом секрет вашего успеха?

– Это тоже, но тем не менее созданная кем-то система не дает преимуществ в одиночной схватке с подготовленным противником.

– Не знаю, что и сказать. Все помнят случай, происшедший полгода назад. Я о той самой драке Ивана Федорова с чемпионом Европы по боям без правил. Когда из чемпиона выбивают дух, у меня и мысли не возникает назвать русский бой примитивным и неэффективным.

– Я так его не называл. Он прост для освоения, что есть, то есть. Но вот эффективность... Я бы сказал, что Иван Федоров с максимальным эффектом применил то, чем владел. А владел он не столько приемами, сколько тактикой их применения. Это как на войне. При правильно выбранной тактике даже не самое крутое оружие позволяет одерживать победу над опытным и хорошо вооруженным противником. Вся суть русского боя в правильном перемещении по полю боя. На это и сделан основной упор в подготовке бойца. Использовать реально существующий ландшафт местности в свою пользу.

– Что-то больно мудрено.

– Сейчас объясню. На ринге того же Ивана Федорова вырубил бы даже не чемпион. Причем очень быстро. Другое дело – реальный городской пейзаж. Ведь не просто так «мироновцы» начинают с бега и паркура. Что тогда произошло в Мадриде? Когда возник конфликт между Федоровым и Салехом, Иван крутился-вертелся, стараясь не попасть ни под удар, ни под захват. В конце концов, Салех завелся и утратил всяческий контроль над собой. Второй этап – Федоров пускается в бегство от Салеха. Салех поддается на провокацию и гонится за ним. Беглец добежал до кирпичного забора и одним рывком запрыгивает на него. Салех этого не может сделать, и поэтому только без толку топчется и орет. Третий этап – недостижимый для Салеха противник уловил момент расслабленности и внезапно совершает прыжок с приземлением ногами на голову чемпиона. Салех падает. Федоров его добивает. Вот и все.

– То есть дело было в заборе?

– Дело было в правильно выбранной тактике. Кстати, трюки с заборами и стенами у «мироновцев» из числа любимых. Бывает ситуация, когда боец сталкивается с толпой. Чтобы не проиграть бой, он намеренно отступает туда, где его невозможно обойти сбоку или с тыла. Противник считает, что загнал его в угол, а он в подходящий момент внезапным рывком оказывается на заборе или карнизе. Достать его не выйдет. Лезть вслед за ним – чревато. Ну а там он найдет способ, как уйти от противников. Не всякий умеет вести погоню при наличии множества препятствий.

– То есть бег и паркур...

–.. рассматриваются «мироновцами» как элементы тактики ведения боя в условиях городской застройки.

– Необычный, однако, взгляд! Рассматривать бег и прыжки через забор как элементы рукопашного боя...

– Антон Аркадьевич, скорее, не самого рукопашного боя, а вообще боя. А бой – настоящий, конечно, бой – состоит не только из самой схватки. Умение оторваться от преследования – это тоже элемент боя. Умение выбрать наиболее выгодную позицию, лишаящую противника части преимуществ... Умение скрытно выйти на позицию для нанесения удара...

– Еще и игра в прятки?

– Так в том-то и дело, что русский бой можно бесконечно совершенствовать. Наверняка светлые головы у «мироновцев» давно уже об этом подумали...

До подобного рода интервью было еще далеко. А вначале мы не знали, за что хвататься в первую очередь. Главная проблема – отсутствие инструкторов или просто опытных людей. Пришлось «работать по методичке». В поисках подходящих инструкций я с Иваном перерыла весь КРОСЕТ. Но ничего серьезного мы не нашли. Не было нигде наставлений про то, как правильно нужно морды своим обидчикам бить. Пришлось идти другим путем. Начали скачивать ролики с официальных состязаний. А дальше я начинала дрессировать брата. Все-таки у танцоров хорошая память на движения, поэтому я лучше его запоминала показанный прием, могла его правильно повторить и даже объяснить, как нужно его выполнять. Честно сказать, получалось у нас не очень. Все-таки полноценным спарринг-партнером я не была. Да и тренер из меня тот еще. Просто за неимением другого выбора приходилось поступать именно так. Ну а потом я шла на танцы, а Иван с ребятами отрабатывали приемы на заднем дворе. Затем, когда занятия в танцзале заканчивались, мы выходили к парням, и они нас провожали домой.

Последнее обстоятельство сильно повлияло на сами занятия в «мордобойном колледже». Сперва там все шло так, как было показано в том самом голливудском фильме.

Пацаны собирались в круг, и новичок по собственному выбору вызывал одного из стоящих в кругу на бой. Сразу пришлось вводить ограничение: по лицу не бить. Мы с братом уже поняли, чем это чревато, и поэтому настояли на подобных ограничениях в дружеской схватке. Точно так же мы решили, что бой может прекращаться не только в результате чьей-то победы, но и по желанию одного из участников.

Дальше начинались сами занятия. Пацаны разбивались на пары, и шло изучение или отработка одного из приемов. И тут тоже пришлось много чего переосмысливать. Любая спортивная дисциплина требует много времени на ее освоение. Как правило – годы. Боевые искусства исключением не являлись. Все это так, но в нашем случае никто не станет ждать, пока боец выучится. Схватка могла произойти в любой день, и все преимущества будут на стороне противника. В жизни так и происходит. Враги были старше возрастом, сильнее физически, их всегда было много, и в средствах они не стеснялись. И спасало нас от неприятностей не умение драться, а умение бегать. Пытаясь найти выход из этого положения, мы просмотрели кучу видео, где был заснят бой одиночки против толпы. Увы, съемок реальных боев мы не нашли, а сцены из художественных фильмов нам ничего полезного дать не могли. Там на героя толпа нападала вовсе не разом, позволяя ему бить всех поодиночке. В жизни все не так.

Так как подсказывать было нам некому, пацаны начали искать ответ на этот вопрос самостоятельно. В результате проведенных на заднем дворе экспериментов родилась подходящая нашему случаю тактика. Целью схватки становилась не победа в ней. Главное – проводить девчонку до дома. В случае угрозы парень должен был в первую очередь дать ей возможность удрать, связав противников боем, ну а затем обеспечить бегство уже себе самому. Ничего другого пацаны придумать не смогли. Такой подход себя оправдал, ибо влипать в неприятности, когда живешь не в элитном районе города, приходилось всем и не по разу.

Но это все были пустяки. Проблемы начались, когда парочку уроков из уличных банд наши ребята сумели серьезно поколотить. Ответ не заставил себя ждать. Выяснив, где собираются «мироновцы», мстители заявили большой толпой, переполненные решительными намерениями. Момент был отчаянный и самый неподходящий. У нас только что закончились занятия в танцклассе, и мы, переодевшись, вышли из здания. Пацаны закончили свою возню на площадке за домом и собирались нас провожать. И тут на них напали! Драка вышла короткой, свирепой и неудачной для нас. Удивляться этому не стоило. Надеяться хоть на какой-то успех нашим мальчишкам, самому старшему из которых было четырнадцать лет, не приходилось. Большинству напавших было по шестнадцать-восемнадцать. Мы, девчонки, успели заскочить в здание и закрыть за собой дверь. А пацаны не успели. Глядя на то, как их, уже лежащих, добивают, мы не знали, что делать, и лишь скулили и визжали от страха. Да еще с ужасом ждали, когда хулиганы сломают дверь и примутся за нас. А те, чувствуя себя победителями, уже всю

изгалялись над нашими мальчишками. Все прекратилось, когда приехала вызванная Софьей Владимировной полиция.

В этот день уже не пацаны нас провожали домой, а мы пацанам помогали дойти до дома. А кого-то пришлось и на скорой увозить. Шума от этой истории было много, а виноватыми в этом стали... Супруги Максимовы! Именно их власти оштрафовали за то, что, собрав нас всех вместе, они спровоцировали нападение хулиганов. Вот такая у них логика! Заняться хулиганами властям и в голову не пришло. Почему? Да потому, что среди напавших были инородцы. А преследовать инородцев себе дороже. Не потому, что сами инородцы такие грозные. Просто чиновники избегали обвинений в расизме. Проще во всем русских обвинить. Русским сам Бог велел терпеть!

Вот только здесь власти ошиблись. Как ни крути, а скандал создал нам рекламу. Кто-то из прежнего состава мальчишек и девчонок ушел, решив не посещать больше ставшие такими опасными занятия. Но желающих присоединиться к нам оказалось намного больше.

Глава 6

Карьера великорусской шовинистки

Настоящие неприятности для нас начались, когда подходил к концу четвертый год моего пребывания в этом мире. Правда, спокойным все это время и так не было. После того памятного избиения наших мальчишек, когда я с большим трудом помогла Ванюше добраться до дома, можно было вообще не дергать судьбу ни за хвост, ни за бороду, ни за усы. Видели бы вы реакцию родителей, когда они увидели его – избитого и, как выяснилось позже, с переломанными ребрами! Лицо и верхняя одежда Вани были перепачканы кровью и грязью. Я выглядела немногим лучше, потому что тоже была перепачкана и тем, и другим. Василисе Егоровне стало сразу дурно. Потом она вместе с мужем долго убеждала нас все бросить и не искушать больше судьбу. Послушай мы их тогда, жить нам было бы хоть и противно, но зато спокойней. Но ни Маша, ни Иван на это не пошли. Маша после общения со мной уже не смогла бы примириться с тем, к чему родители ее давно привыкли. Иван же и без моего воздействия не стал бы возвращаться к старому. Поймите их правильно: мой родной мир тоже нельзя считать дивным и прекрасным.

Найдется много людей, которые скажут, что мы не годимся на роль эталона. И они будут правы во всем, кроме одного: мы не прекращаем сопротивляться произволу. Что бы в нашем мире ни затеяли власть имущие, им всегда приходится бороться с теми, кто категорически не согласен с их политикой.

Здесь мир, привыкший к тому, что можно неплохо прожить без сильных потрясений, потихонечку стал миром соглашателей. Вот только соглашательство не устраняет безобразий, а значит, рано или поздно недовольные себя проявят. Одним из таких недовольных существующими порядками и стал Машин брат. Да если бы он один! Правда, мы понимали, что сил на громкий протест у нас нет. Кто прислушается к мнению кучки малолеток? Единственное, на что мы были в тот момент способны, так это только готовить самих себя и наших товарищей к взрослой жизни. Этим мы, по сути дела, и были заняты все четыре года.

Очередная неприятность обрушилась на нас в один из прекрасных субботних дней. В выходные дни у нас танцев не было, поэтому, закончив занятия по бегу и паркуру, я ушла домой, а Иван с пацанами остался на занятия по русскому бою. Пообедав, я села за свой комп и начала печатать текст очередной сказки для литературного раздела «Невского времени». К сожалению, будучи неплохой рассказчицей, я была совсем неумелым литератором. То, что я писала, совершенно никуда не годилось. Поэтому, набив текст, я его посылала по электронной почте госпоже Алексеевой. Та, в свою очередь, превращала мое ничемное творчество в весьма неплохое произведение. Она, конечно, тоже не дотягивала до уровня Игоря Можейко, у которого я нагло воровала сюжеты, но тем не менее все равно выходило очень здорово! Я бы так никогда не смогла! Публика, никогда не встречавшаяся ни с чем подобным, принимала историю сказочных приключений Алисы Селезневой благосклонно. Все это лишний раз убеждало меня в том, что хорошую вещь не испортишь никаким исполнением.

Публиковаться я стала совсем недавно, после того как госпожа Алексеева нанесла нам визит и взяла у меня интервью. Впрочем, это было, скорее всего, не интервью, а обычной беседой. В итоге, оценив рассказы, а заодно и мои реальные способности, Татьяна Сергеевна предложила интересный вариант сотрудничества. Теперь я посылала ей на почту по одному рассказу в двух вариантах – звукозапись и письменное изложение рассказанного. Почему так?

– Раз уж мне придется заниматься литературной обработкой, то запись устного рассказа поможет мне при написании сохранить ваш, Маша, стиль. У вас есть свой стиль, его нужно

только сохранить и развить. Вот скажите честно: как у вас обстоят дела со школьными сочинениями?

Не в бровь, а в глаз! Плохо у меня с ними было. Что у меня самой в том мире, что у Маши в этом. А мысль Татьяны Сергеевны мне теперь была понятна: учиться, учиться и очень много тренироваться!

Первые истории были опубликованы как произведения двух авторов. Я считала, что это справедливо. Все-таки Татьяна Сергеевна тратила на литературную обработку столько времени, что ее право на соавторство не подлежало сомнению. Благодаря ей, я стала официально получать часть причитающегося автору гонорара.

И вот, отправляя по почте оба файла, письменный и звуковой, я заодно прочитала входящие сообщения. Одним из этих сообщений была повестка из районного отделения МГБ. Некий поручик Мошкальский обязывал меня явиться в понедельник во второй половине дня для дачи свидетельских показаний следствию. Вот так дела! Я сразу поняла, что одними свидетельскими показаниями дело не ограничится. Чтобы не беспокоить родных, я ничего никому не сказала. Дожив до понедельника, после школы явилась по указанному адресу.

Поручик Мошкальский, полный дядька в строгом цивильном костюме, стал задавать мне на первый взгляд безобидные вопросы. Вопросы эти касались наших занятий самостоятельным спортом. Никогда раньше я не имела дела с госбезопасностью, если не считать редкого общения с нашим особистом. Менты наши тоже прошли мимо меня, если только не считать того внимания, которое уделяют инспектора-гаишники любому водителю. Тем не менее я твердо знала, что считать эту публику друзьями человека – непростительная глупость. Виновен ты или нет, но в любом случае не стоит верить в их доброту. В глупость их тоже не стоит верить, даже если на их лицах написано: «дебил». Просто так они свое внимание никому не уделяют и коль начали тебя о чем-то спрашивать, значит, ты оказался не в том месте и не в то время. Поэтому, включив дурочку, я ангельским голоском рассказывала о своем желании иметь хорошую фигуру, о любви к танцам и о боязни уличных хулиганов. На каждый заданный следователем вопрос я отвечала сорочьей трескотней. В общем, дурочку включала. И все-таки он меня чуть ли не подловил:

– Насколько я знаю, у вас там занимаются сплошь русские и православные.

– Не знаю, господин офицер, я им в паспорт не заглядывала.

В ответ Мошкальский весело засмеялся:

– Ну насмешили меня вы, барышня, у вас превратное представление о паспортах. Мы уже лет шестьдесят как не упоминаем в них национальную и религиозную принадлежность!

Я же тем временем проклинала себя за расслабленность. И хорошо, что поручик понятия не имел о советской действительности. Вот бы прокололась – так прокололась! Здесь вам не тут! В этом мире паспорта нужны лишь тому, кто за границу едет. Прочим же в качестве удостоверения личности служат либо автомобильные права, либо кредитные свидетельства. Но и в них нет никаких упоминаний о национальности или вере владельца.

И тут до меня дошло. А откуда он может знать о том, что у нас одни русские в компании? Я, например, этим вопросом не задавалась. И друзья мои об этом не спрашивали. Мне было все равно, кто там у нас еврей, а кто армянин. Но, как видно, кому-то оказалось не все равно. Кто-то заинтересовался этим и не поленился собрать подробнейшие сведения. И кто это может быть, я, кажется, догадываюсь.

Вслух же я сказала совсем иное:

– Так я совсем ничего не понимаю во взрослых документах. Просто читала, что раньше батюшки в метриках про это писали. Думала, что и сейчас так пишут.

– Батюшки наши и сейчас много чего пишут, но метрики выписывают совсем другие люди. Ну, это не наше дело. Мне, например, просто интересно стало, почему у вас нет ни одного инородца?

– Честное слово, не знаю. Если новые ребята и девчонки приходят, мы об этом их не расспрашиваем.

– А другие? Народу у вас сейчас много. Вряд ли вы знаете, кто о чем и с кем разговаривает. А ведь стоит прислушаться. Вдруг кто что недоброе задумал? Но если бы вы про то узнали, вы бы и отговорить смогли вовремя или нас о помощи попросить, если самой не справиться.

Ох, голубчики! Все вы одинаковы! Понятно, что вам нужны сведения о наших намерениях и настроениях. Но если о большинстве дел в нашем сообществе можно узнать совершенно открыто из наших контактов в социальных сетях, то с Бойцовским клубом так не получится. Все, что им нужно обсудить, парни обсуждают в Мужском Круге. А Круг в свои дела кого попало не посвящает. Меня, например, точно его дела не касаются. Потому, что нет мне туда ходу. Войти в Мужской Круг может не всякий. Для этого нужно делом доказать, что ты кремень и на тебя можно положиться. Кто и как это доказывает, мне знать не положено. Я хоть и заводила всему, но не начальница. Даже Иван, который стал самым первым членом Бойцовского клуба, для парней не начальник. Так у них заведено было после первого серьезного мордобоя. Круг решает все. А если требуется командир – Круг его назначит.

Понятно, что «опричникам» хотелось узнать побольше о намерениях Круга. Вот господин поручик и попытался завербовать осведомительницу. Я ведь хоть и не вхожу туда, но с братом живу в одном доме. Наверняка меня даже не будут заставлять доносы писать. Зачем? Про «жучки» все наслышаны. Наверняка у нас в квартире они появились во всех помещениях. И все, что мне будет нужно сделать, так это раскрутить братца на разговор. А уж «опричники» и без меня доклады напишут.

– Господин поручик! Я ни во что не лезу и не желаю лезть. Кто о чем болтает, пусть это того и касается!

– Напрасно вы так, Мария Ивановна. Честно скажу, не всем вы по нраву пришлись. И не только в нашем районе. Местных сволочей вы, конечно, гоняете, но ведь есть и такие люди, против которых кулаки не больно-то и распустишь. С ними иначе приходится поступать. Сомневаюсь, что вы сумеете справиться с этим. Вот тут бы мы вам и пригодились. Впрочем, мое предложение по-прежнему в силе.

На том наша беседа и закончилась. Вечером я все рассказала брату. Родителей мы в эти дела не стали посвящать. Как оказалось, напрасно мы это сделали. Прошла еще одна неделя – и снова выходные. Как раз на субботу у нас было намечено одно публичное мероприятие. Дело в том, что наши пробежки привлекли внимание многих людей. Появились те, кто бегал с нами за компанию. Но не только любители бега потянулись к нам. Как-то к нам подошли активистки из Общества борьбы за народную трезвость. Были эти дамы чуть младше своего общества. А оно, как оказалось, старше всех известных российских политических партий. За что они боролись, было ясно из названия. Успешной эта борьба не была. Собственно говоря, состояло это общество в основном из престарелых филантропок, чьих средств хватало на пропаганду здорового образа жизни да на помощь отдельным прозревшим людям. Прознав, что у нас насчет любого дурмана очень строго, они, естественно, устремились к нам. Эти пожилые дамы искренне переживали по поводу неуклонного падения нравов. Они действительно готовы были жертвовать всем, что имеют, для того чтобы исправить ситуацию на алкогольном фронте. Вот только реальных возможностей для этого у них не было. Они писали бесконечные петиции, организовывали лекции, пытались воздействовать на религиозные организации и даже организовывали анонимное лечение от алкоголизма. Эффект был, но не особо заметный. А если честно – единичные успехи. И тут эти дамы узнали, что есть молодые парни и девушки, которые не травят свой организм никакой гадостью, которые знают, как можно и без этого интересно провести время. А главное, что к этим молодым людям тянутся остальные!

Мы были тем, чего им не хватало, – массовым примером правильного образа жизни. Проходить мимо нас они не стали.

Естественно, что мы им показали не все. Занятия бегом или паркур – пожалуйста! Танцы? Да ради бога! Приходите и смотрите! Они пришли, посмотрели и предложили нам помочь в организации флешмобов. Мы с радостью согласились. То, что из этого вышло, – понравилось всем. И нам, и случайным зрителям. А вот с русским боем мы по-осторожничаали. Смотреть на ежедневные занятия с их жесткими правилами и не менее жесткими ритуалами – зрелище не для слабонервных. И уж тем более мы не стремились показывать кому-либо наш суд. Суд, без принятых в этом обществе формальностей. Когда есть Круг, который судит тебя, и есть ты, сам по себе и со своей Правдой. Здесь не было ни присяжных, ни адвокатов. И хорошо, что редко мы кого-либо судили. За что судили? За трусость, подлость и предательство. И наказание было только одно – изгнание. Все это не для чужих глаз и ушей.

Единственное, что эти дамы увидели, так это праздничный бой на Масленицу. Провели мы его, кстати, с их активной помощью. И это был первый бой такого рода. Лишь свои знали, что народный обычай здесь ни при чем. Учиться биться стенкой на стенку ребята начали сразу после первого проигранного ими боя. Просто ничего лучшего, чем поступать по примеру далеких предков, они придумать не смогли. Это не просто рукопашный бой и не обычный поединок. Это натаскивание на бой в составе отряда. Привычка держать боевой порядок, не обращать внимание на крики, напор, боль. Нужно было выработать способность маневрировать в толпе и видеть сам бой. Умение выбивать отбившихся, выбивать сильных, разбивать строй противника, разделять функции: одни бьют, другие добивают, создавать преимущество в нужном месте и так далее. Вот чем стал в итоге русский бой, когда, утерев сопли и кровь, ребята взялись за поиск рецептов победы в открытом бою.

Масленичные бои – совсем другое дело. Там существовало много самых разных ограничений. Ведь сражались не враги, а соперники. Поэтому, зрители видели не бескомпромиссную и безобразную драку, а веселую удачу крепких и ловких ребят. Даже простая замена боевой злости на веселый азарт превращала эту схватку в увлекательное зрелище. Присутствующие тогда филантропки не увидели в этом ничего ужасного и остались довольны показанным представлением.

В этот раз они договорились с телевидением о съемке массового забега всех желающих и вольной танцевальной программе в самом конце. Акцию назвали «Русские пробежки». Соответственно, позаботились они и о рекламе. Основные участники забега и танцев надели на себя заказанные патронессами футболки. Украшены футболки были лозунгом данного мероприятия: «Русский – значит, трезвый!» В общем, подготовились мы ко всему заранее и о грядущих неприятностях даже не подозревали.

Неприятности начались, когда забег кончился и начался флешмоб. Наряды полиции внезапно окружили нас и потребовали прекратить всяческие представления и разойтись.

– Маша! В чем дело?

– Не знаю, Ваня. Мы ведь никаких правил не нарушали?

– Да вроде бы нет. Слушай, а старухи эти точно все согласовали?

– Да согласовали они все. – Я порылась в сумочке и достала нужный документ. – Вот, смотри: заверенная копия разрешения полиции на проведение нашего мероприятия.

– Тогда ничего не понимаю. И что теперь делать?

– Расходимся, Ваня. Подчиняемся требованиям то ли закона, то ли произвола.

Толпа, впрочем, и без наших призывов начала расходиться. Полиция этому препятствий не чинила. Но только до тех пор, пока через оцепление не стали проходить те, на ком были футболки с лозунгом. Этих начали хватать и тащить в стоящие позади оцепления «скотовозы».

– Ваня! Скажи ребятам, чтобы срочно снимали футболки.

– А ты? Машка, ты куда!

– А я, Ваня, пойду сдаваться властям. Нужно понять, чем им футболки наши не нравятся, да и ребят, если что, удержать от глупостей.

– Сеструха! Давай я вместо тебя!

– Нет, Ваня! Ты нужнее здесь. Я не сумею удержать твоих мордovorотов от драки. Зато я смогу удержать пойманных полицией от совершения глупостей. Давай будем делать каждый свое дело, брат. Не стоит спорить.

Развернувшись, я нагло пошла к оцеплению:

– В чем дело? Что за произвол?

Вместо ответа меня грубо схватили, надели «браслеты» и, доведя до «скотовоза», так же грубо запихнули внутрь. Там уже было с десяток задержанных полицией ребят и девчонок.

– Ребята! Девочки! Главное спокойствие! Не надо грубить полиции. Четко выполняйте их требования. Со всеми вопросами отсылайте их ко мне. Лучше будет, если с ними буду говорить я. Все поняли?

– А ты кто такая?

Я обернулась на голос. Вопрос был задан стоящим возле «скотовоза» офицером полиции.

– Миронова Мария Ивановна, я старшая среди этих ребят. Это понятно?

Офицер вместо ответа усмехнулся и отошел от машины. А потом двери закрыли, и нас повезли куда-то. Везли около получаса. Затем машины остановились, и нас вывели на улицу. Охрана сняла с нас наручники, и я огляделась вокруг. Ничего необычного: стены красного кирпича вокруг заасфальтированной площадки. В стенах – зарешеченные окна. Понятно, куда мы попали. А кстати, сколько нас? Насчитала двадцать семь человек вместе с собой. Ну что же, будем жить! Пока что здесь. Интересно, в чем нас обвинят? И сколько нам тут пребывать? Ожидая своей участи, мы не знали, что в сводке новостей уже сообщили о том, что:

Сегодня полицией было разогнано собрание несовершеннолетних русских националистов. На этот час, по сведениям, полученным нашим корреспондентом, задержано порядка тридцати подростков обоего пола. В числе задержанных находится и идейный лидер великорусских шовинистов, двенадцатилетняя уроженка Санкт-Петербурга Мария Миронова.

Глава 7

Пожар в борделе во время наводнения

Итак, затеянная Анатолием Николаевичем интрига развивалась хоть и не в соответствии с первоначальным планом, но все равно в нужном ему направлении. Внимательно следя за происходящими сейчас событиями, барон сам себе поставил «минус». Чем проще методы, тем больше возможности добиться желаемого. Как ни крути, но о движении трезвости первым вспомнил Гозман, а не он, барон Берг. «Какой роскошный повод для ареста школьников откопал этот придурок! Такое мало кому в голову придет. Мне, например, точно никогда бы не пришлось. Кто сейчас помнит про закон, который приняли сорок лет назад и давно уже не применяют на практике?»

Тут речь шла об одном интересном законе, который был принят под давлением Всемирной лиги правозащитных организаций. Суть его состояла в том, что употребление в названии организации слова «русский» и производных от этого слова считалось дискриминацией в отношении других народов империи. И даже Церковь вынуждена была заменить в своем названии реакционное слово «русская» на толерантное «российская». В итоге, чтобы не иметь не нужных никому неприятностей, люди перестали в письменном виде употреблять это слово. Вернее, употреблять продолжали, но только в отрицательном смысле. Писать «русский пьяница», «русское хамство», «русская расхлябанность» можно было, но попробуй назвать народные сказки русскими, а не российскими, как сразу тьма защитников поднимала вселенский шум. Стало опасно открыто вспоминать о том, что М. В. Ломоносов был русским, а не каким-то там российским ученым. А Д. И. Менделеев? В один прекрасный день давно умерший химик стал одновременно русским антисемитом и великим российским ученым! Вся эта дурь совершенно не касалась других народов Российской империи. Хотя как сказать! Если писать, что бывает на свете «еврейское хамство» или открыто вывесить лозунг «Еврей – значит, трезвый!», то вони и визга будет еще больше.

Странное дело, чем дальше Анатолий Николаевич вникал в подобные тонкости, тем сильнее крепла в его душе обида. Казалось бы, ему что до этого? Он обычный остзейский дворянин⁸. По материнской линии, конечно, хватает русской родни, но по отцовской – одни немцы. Сам себя он считал прежде всего немцем. И женат он был на немке, урожденной Фитингоф. И дети его соответственно считаются немцами. Но все-таки такое издевательство над самолюбием великого народа ему было неприятно. Почему так? Сам себе не мог ответить.

Поэтому, хоть Анатолий Николаевич и планировал заранее сделать так, чтобы у Гозмана ничего, кроме пустого шума, не вышло, сейчас он хотел иного: чтобы этот придурок как можно сильнее опозорился. И кажется, там, наверху, в Небесной Канцелярии пошли навстречу его искреннему желанию.

Первой засуетилась та самая Алексеева. Узнав о случившейся с юными спортсменами неприятности, она развила бурную деятельность. Несмотря на свое слабое здоровье, эта маленькая и хрупкая женщина смогла поспеть всюду. Она утешала расстроенных родителей, она наносила визиты известным филантропам и клерикалам. Она даже не побрезговала навесить лидеров марионеточных националистических организаций. Более того, она опубликовала в ближайшем номере «Невского времени» статью на злобу дня, которую назвала: «Верните народу имя!» А на четвертые сутки с момента задержания подростков, она возглавила не санкционированное никем шествие к резиденции Его Императорского Величества.

⁸ Совокупное название курляндского, лифляндского и эстляндского дворянства, этнически принадлежавшего, в основном, к остзейским немцам или к шведам. (Примеч. ред.)

Полиция, не ожидавшая ничего подобного, начала действовать не сразу. А когда все-таки прибыла на место происшествия, было уже поздно: к небольшой кучке манифестантов успела присоединиться тьма народа. Прибывший разгонять это шествие спецназ, наверное, впервые в жизни растерялся. Еще бы! Помимо взрослых, среди участников манифестации хватало детей. А самое неприятное было то, что с каждой минутой детей становилось все больше и больше. Давать команду на разгон демонстрации командование так и не решилось. И Анатолий Николаевич их понимал прекрасно. Что бы там ни говорили про жандармов, но применять силу в отношении женщин, стариков и детей, держащих в руках государственные флаги, хоругви и образа, они не хотели категорически.

Чтобы разрядить ситуацию, к месту происшествия срочно прибыл столичный генерал-полицмейстер Хуцишвили. Нужно отдать ему должное, он сумел уговорить толпу мирно разойтись и не чинить никаких безобразий. Манифестанты разошлись, но лишь после того, как госпожа Алексеева вручила Хуцишвили петицию на высочайшее имя, а сам генерал-полицмейстер клятвенно обещал, что немедленно ее передаст в руки государя. В тот же вечер, если верить газетам, государь император ознакомился с поданной на его имя петицией.

Скандал это происшествие произвело огромный. Не успел окончиться этот день, как газеты и телепередачи стали жертвой нашествия так называемой «прогрессивной общественности». То, что творилось на страницах либеральных изданий и в эфире, иначе чем бардаком назвать было невозможно. Либералы всех мастей внезапно озаботились спокойствием и порядком в государстве. На читателей и зрителей обрушились самые разнообразные призывы и обращения. Причем в таком количестве, что людям мало что запомнилось. Самым ярким и запоминающимся было требование Лиги сексуальных реформ: «Раздавить гадину!» И ведь на этом ничего не закончилось. Масло в огонь подлило интервью, взятое корреспондентом «Городской криминальной хроники» у адвоката Ривкина:

– Соломон Абрамович, что вы скажете по поводу вчерашнего задержания полицией русских шовинистов?

– А почему вы спрашиваете про это у меня? Я что, требовал их ареста? Вы лучше Гозмана спросите про это!

– Тем не менее нашим зрителям интересно мнение лучшего адвоката нашего города по поводу этого события.

– Мое мнение? Пожалуйста! Господа! Вы счастливы от того, что арестована маленькая сказочница? Я, например, огорчен этим обстоятельством. Не думаю, что она и прочие дети представляли угрозу для общества. Вот и все мое мнение по этому поводу.

– Но ведь они грубо нарушили закон, вряд ли вы станете с этим спорить.

– Нарушили. Не спорю. И что, их вот так сразу нужно сурово наказывать?

– Странно это слышать от еврея, чей сын был искалечен русскими...

– Так, погодите! Не забывайте, что этот еврей является неплохим, как вы сказали, юристом. Что вы мне тут сейчас говорите? Как лицо заинтересованное, я наизусть знаю материалы того дела. Все, что твердо установлено, так это то, что те ублюдки, которые били моего сына, разговаривали на русском языке. А Ивановы это были или Гозманы...

– Мне известно, что вы не в лучших отношениях с господином Гозманом.

– Я этого никогда не скрывал. И если он счастлив тем, что испортил праздник детям... В общем, давайте не будем больше говорить на эту тему. У меня просто сейчас нет слов. Одни восклицания!

По разочарованному лицу корреспондента было видно, что он ожидал от Соломона Абрамовича совсем иных слов и оценок.

Так или иначе, но пришло распоряжение столичного прокурора об изменении меры пресечения задержанным. На томящихся в доме предварительного заключения был наложен

домашний арест, а расследование происшествия передали органам МГБ по месту жительства виновных.

То есть в руки Анатолия Николаевича. Как раз то, что ему и требовалось.

Больших сложностей в этом деле не должно было быть. Поручая вести следствие поручику Мошкальскому, барон намекнул ему, что не стоит проявлять в этом деле какое-либо особое рвение.

– Поймите правильно, Ксаверий Станиславович, что бы там ни вопили в газетах, но в делах такого рода виноватым станет тот, кто допустит страдания детей.

– Я бы не стал этих детей считать светлыми ангелочками, – возразил Мошкальский. – Я уже докладывал вам о том, что они затевали.

Такой доклад действительно был. Правда, из-за того, что до сих пор среди «мироновцев» не удалось завести постоянных осведомителей, о случившемся накануне манифестации собрания «опричника» стало известно слишком поздно.

Вопреки ожиданиям, арест Мироновой не привел оставшихся на свободе заговорщиков в уныние и растерянность. Собравшийся в тот же день Мужской Круг принял решение добиваться освобождения своих товарищей и назначил командиров, ответственных за организацию шествия. Но это было еще не все. На следующий день впервые был создан Общий Круг, на котором мальчишкам и девчонкам командиры сообщили о принятых накануне решениях. О самих собраниях служба наружного наблюдения сообщила вовремя. А вот о принятых там решениях – только после того, как все закончилось. У барона волосы встали дыбом, когда ему доложили о том, что на самом деле затевалось. А затевалось страшное дело: предвидя, что шествие попытаются разогнать, «мироновцы» решили этому активно противодействовать. Было принято два варианта противодействия спецназу: «живой щит», а если он не остановит полицию, то тогда Бойцовский клуб должен был вступить в схватку с полицией, чтобы прикрыть отступление прочей толпы.

Вообще-то ребята переоценивали свои возможности. Спецназ, получивший приказ на разгон шествия, этим не остановишь и даже не удержишь. Вот только последствия! Анатолий Николаевич теперь прекрасно понимал и командира полицейского отряда, который увидел, как в первые ряды манифестантов начали вдруг выдвигаться девчонки, одетые в нарядные платья, а по флангам «живого щита» построились в ударные колонны крепкие парни. Выполнить полученный приказ несложно, сложно после этого отмыться от дерьма, в которое сам, по своей же воле и окунешься. Понятно теперь было и решение генерал-полицмейстера, решившего воздержаться от радикальных мер.

– Ксаверий Станиславович, как бы там ни было, но стоит учитывать то, что наши общественные деятели очень капризны. Это сегодня они требуют «раздавить гадину», а завтра, не приходя в сознание, будут требовать крови детоубийц. А от детской крови еще никто не сумел отмыться...

– То есть все свести к обычным для детского возраста шалостям?

– Это будет совсем замечательно! Надеюсь, что вы справитесь с этим.

Ага! Справился! Мошкальский еще не успел толком приступить к процессу расследования, как его осчастливили еще одной новостью: полномочный общественный контроль за ходом следствия! Вот чего, оказывается, им не хватало!

Вообще-то такая мера контроля временами применялась. Если у общества были сомнения в объективности следствия, тогда оно велось с участием компетентных специалистов из независимых общественных организаций. Обычно это делалось, когда подозреваемому грозило очень суровое наказание. Участие в следствии независимого специалиста обычно приводило к тому, что обвинения либо снимались вообще, либо дело переквалифицировалось в сторону более легких статей. Но это в обычном случае. А нынешний обещал стать особым. Общественным контролером был назначен не кто иной, как Гозман!

Было от чего впасть в изумление. Прекрасно зная эту тварь, барон понимал, что добиваться Гозман будет отнюдь не смягчения статьи обвинения. Этот русофоб постарается выжать из ситуации все возможное, и потому спустить дело на тормозах не выйдет. Как ни крути, но это старый и опытный крючоктвор, способный мастерски выдавать карася за поросю, легко заткнет за пояс любого из подчиненных барона.

И что делать? Отказаться от такой помощи не получится. Наоборот, придется делать вид, что всю свою жизнь мечтал именно о таком сотрудничестве.

– Придется вам, Ксаверий Станиславович, работать на пару с этим господином.

– Мне хотелось бы отказаться от подобной чести!

– Не поддерживаю и не разрешаю! Несите и дальше свой крест. Ну а я со своей стороны обещаю вам всяческую поддержку.

А поддержку в любом случае придется оказать. Барон даже знал, каким образом он это сделает. Так как появление на горизонте светила правозащитного, а на деле сутяжного движения грозило похоронить все лелеемые им планы, Берг решил, что пора пускать в ход тяжелую артиллерию.

В любом случае закон требует, чтобы при допросе несовершеннолетнего обязательно присутствовал адвокат. Интересы дела требовали, чтобы этот адвокат был фигурой сравнимого с общественником калибра. Как и предполагалось ранее, на эту роль лучше всего подходил господин Ривкин. Правда, как адвокат, он не имел опыта ведения политических и правозащитных процессов. Но это несущественно. Другим препятствием был размер гонорара, который мог затребовать Соломон Абрамович. Торговаться с ним было бесполезно. Но тут барон готов был зайти весьма далеко. В крайнем случае, можно разориться и пустить на это все свои сбережения. В проигрыше он все равно не останется. Коллеги по службе и высокое начальство сумеют по достоинству оценить такую жертвенность. Стоит ли говорить о том, как они относятся к правозащитникам? И уж если удастся одного из них показательно искупать в дерьме, то понесенные им затраты обязательно компенсируют из Особого фонда.

«Что еще может заставить уважаемого Соломона Абрамовича отказаться от нашего предложения? Формально он защищает девочку от нашего произвола, так что общество за это на него не станет обижаться. Наоборот, участие в защите – несомненный плюс для его репутации! Зато Гозман будет выглядеть омерзительно! Правозащитник первой величины открыто сотрудничает с тайной полицией! Надо как-то этот момент подчеркнуть. Наверное, стоит к Олегу Константиновичу обратиться. Пусть во время следствия будут присутствовать парочка корреспондентов более-менее консервативных изданий. Обычно мы это не приветствуем, но тут это будет для нас чудесно! А вообще интересно выходит: следователь тайной полиции настроен умеренно, зато правдолюб требует крови!»

Последнее соображение даже подняло настроение Анатолию Николаевичу. Осталось только все правильно организовать. Впрочем, времени для этого хватало, и если его зря не терять, то все может получиться!

Получилось не просто замечательно, а прекрасно! Причем произошло это не так, как ожидал Анатолий Николаевич. Не потребовалось выписывать замысловатые кренделя с целью найти подход к Ривкину. Когда барон вечером посетил Аглицкий клуб, то увидел там не кого-нибудь, а искомого адвоката. И что самое прекрасное, тот сам к нему подошел. Несмотря на то, что ранее их друг другу никто не представлял, они обошлись без принятых в этой среде формальностей. После взаимного представления, они прошли в бильiardную и там, за партией «американки», прекрасно обо всем договорились. И насчет газетных писак не пришлось беспокоить Олега Константиновича. Ривкин сам об этом позаботился. Причем позаботился довольно оригинальным образом:

– Консерваторы на свете бывают разные. Вы наверняка хотели привлечь к освещению событий православных клерикалов.

– А кого же еще?

– Почему бы нам не привлечь к освещению событий еврейских консерваторов?

– Разве русские... пардон, российские читатели читают их статьи? – Бергу стало интересно, что удумал этот ушлый тип.

– Анатолий Николаевич, если вы этого не знаете, то читают, и весьма часто. Возьмите одну из старейших газет, которая всегда называлась «Русский инвалид»⁹. Вы просто по долгу службы обязаны ее выписывать. И посмотрите, кто входит в состав редакции этой уважаемой газеты. И где там русские? Фамилию главного редактора помните? Моисей Ортенберг! Везде мы, проклятые, пролезли! Разве не так? А между тем репутация этой газеты весьма высока, – с веселой иронией отвечивал Ривкин.

– Честно говоря, не обращал на это внимание. Хотя... Погодите, и с таким названием газету никто не судит?

– Пытались судить. И переименовывать пытались. Вот только среди военных корреспондентов хватало разного рода пролезших туда Коганов, Рубиных, Вайнштоков... Если вы не знаете, то стать военным корреспондентом в этом издании нелегко. Помимо таланта журналиста, нужно еще либо пройти через «горячую точку», либо иметь награду за беспорочную службу.

– Ей-богу не знал. Даже не интересовался.

– А между тем, милейший барон, вы должны понимать, что это не просто газета. Это воинская часть, и притом заслуженная. Люди там не только работают, они там служат! – Слово «служат» было особо подчеркнуто адвокатом. – А в каких случаях воинскую часть переименовывают?

И тут до Берга дошло: Соломон Абрамович затеял что-то грандиозное. Не просто так он упоминает случай с «Русским инвалидом». Ведь как ни крути, но он прав. Нет в Российской империи такой традиции: переименовывать воинские части, не запятнанные позором. И понятен протест военных корреспондентов: еврей ты там или не еврей, но позор, возложенный на полк, ложится равным образом на всех, кто в этом полку служил. Поэтому делать из «Русского инвалида» российского, значит, поливать грязью достойнейших людей. И что тогда выходит?... Впрочем, про это позже. Есть более приземленные вопросы:

– Я понял суть вашего замысла. Дальше можете не объяснять. Остается прояснить один очень деликатный момент...

– Вы о деньгах? Не волнуйтесь. Своих денег я не упущу ни в коем случае.

– Смею обратить ваше внимание на то, что родители этих ребят – люди скромного достатка.

– Вот еще что! – фыркнул адвокат. – Вы, верно, плохо думаете про меня. Я вам не Гозман, привыкший жить на стипендию Международного правового комитета да на гонорары богатых клиентов. Я, если что, сумею заработать и на неимущих людях. – И, сделав многозначительную паузу, адвокат закончил весьма оригинально: – При этом я не возьму с этих людей ни копейки!

– Вы идеалист? Не знал за вами этой особенности.

– Что вы! Как можно! Даром – дают только за амбаром! А в приличном обществе любой труд достойно оплачивается. Но кое-что святое в душе у меня есть! Именно поэтому я с вами сейчас не просто разговариваю, а договариваюсь!

А на следующий день началось! Вряд ли Гозман и его помощники представляли, во что это выльется. Видимо, они считали, что все пройдет, как обычно: малолетние шовинисты будут строго наказаны под одобрительный рев прогрессивной общественности. Ривкин своим присутствием на допросах поломал им весь замысел. А ведь он не просто присутствовал. Он не

⁹ Слово «инвалид» в XVIII веке имело совершенно иной смысл, нежели сейчас. Инвалид – это много послуживший и много испытавший на своем веку воин. Поэтому в современном звучании уважаемая в армии и на флоте газета именовалась бы как «Русский ветеран». Согласитесь, такое название вызывает не жалость, а уважение. (Примеч. автора.)

давал светилу либеральной мысли ни запутать детей, ни загнать их в ловушку. Не меньше Ривкина мешали и присутствующие при допросах представители «Русского инвалида» и «Российского военного обозрения». Прогнать их никто права не имел, поскольку они были официально аккредитованы. Естественно, что живое участие приняла в защите преступников и Татьяна Сергеевна Алексеева. Ее никто сюда не направлял. Тем не менее удалить ее у Гозмана не вышло. За коллегу по цеху журналистики вступились военные корреспонденты. Но это еще были цветочки. Ягодки произросли на Невском проспекте. В один прекрасный день состоялось шествие ветеранов Дикой дивизии. Это уже было совсем серьезно. Дикая дивизия считалась элитным соединением, так же, как во Франции Иностранный легион. Ее бойцы принимали участие во всех миротворческих миссиях за пределами Российской империи. Несколько сотен ветеранов прошли по Невскому до Дворцовой площади, неся эмблемы частей своего славного соединения, государственные флаги и плакат с надписью: «Для врагов мы были РУССКИМИ!» Кто-то пришел на шествие, будучи одетым в форму своего полка. Другие были одеты в строгие костюмы. И у половины пришедших на груди был либо «Орел», либо «Джигит»¹⁰. Дойдя до Дворцовой площади, они вручили вышедшему к ним дворцовому коменданту петицию на имя государя.

– Вы хоть понимаете, что вы натворили?! – орал взбешенный общественник Гозман. – Еще немного, и эта тупая военщина совсем распоясается!

– Вы, Леонид Саулович, умерили бы свой пыл, – пытался урезонить разошедшегося ни на шутку общественного контролера капитан-лейтенант запаса Вайншток, корреспондент «Обозрения».

– Это вы напрягите свои тупые военные мозги! Сегодня вы потакаете тупому быдлу, а завтра оно вспомнит не ваши побрякушки, а каких вы кровей!

Было видно, каких трудов стоило Вайнштоку, в прошлом блестящему минному офицеру эскадренного тральщика, отличившегося к тому же при разминировании территориальных вод в Эритрее, сдержаться и не ответить на хамский выкрик.

– Я считаю, Леонид Саулович, что вы должны вести себя прилично, – вмешалась в разговор Татьяна Сергеевна. – А еще я думаю, что лучше бы вам снять свои претензии к этим детям.

От дальнейшей ругани Гозман удержался лишь потому, что понял: еще немного – и его начнут бить все присутствующие в этом кабинете. Включая женщин и детей.

¹⁰ В реальной истории с конца августа 1844 года для награждения иноверцев был установлен специальный знак: он отличался от обычного тем, что в центре медальона с двух сторон был изображен герб России – двуглавый орел. Сделано это было из соображений тактичности, чтобы не оскорблять религиозные чувства мусульман христианской символикой. Служившие в Дикой дивизии мусульмане подобную толерантность почему-то не оценили. Наоборот, для них желанной наградой был не «Орел» (знак отличия для иноверцев), а «Джигит» (на их жаргоне так называлось изображение св. Георгия, поражающего копьём змия). Первым полным кавалером знака отличия для иноверцев стал юнкер милиции 2-го Дагестанского конно-иррегулярного полка Лабазан Ибрагим Халил-оглы. (Примеч. автора.)

Глава 8

Сон Ирины Павловны

Про такую штуку, как домашний арест, я слышала в своей прошлой жизни, но, что это такое на самом деле, даже не подозревала. Дане чего бы мне было этим интересоваться, если у меня никогда не было приводов в милицию. Зато здесь меня дважды в течение четырех лет задерживала не просто полиция, а полицейский спецназ! Удостоилась, старая, небывалой чести! И ведь я не просто задерживалась, а еще и под следствием пребываю.

Домашний арест, который на всех нас наложен, означает лишь то, что мы не имеем права взять и уехать в другой город. Вроде бы и ничего, но вот про спорт и танцы пришлось на время забыть. Сразу после школы – на допрос. А там, пока на все вопросы ответишь, день как-то незаметно заканчивается, и я иду домой ужинать, делать уроки и торчу с матерью на кухне. Можно было бы и в Сети посидеть, вот только нужно и Василису Егоровну пожалеть. Она, бедная, в последнее время вся на нервах. Вот чтобы она лишнего себе в голову не брала, я занимаюсь вместе с ней стряпней и болтаю о разных вещах.

Того гляди, ко времени суда надо мной, она наконец научится прилично готовить. Учю ее, конечно, я. Теперь, благодаря мне, она научилась варить различные супы и уже осваивает мясные блюда. Сперва я ее учила элементарному, а затем, сходяв к букинисту, мы купили поваренную книгу. Смешно, что здесь, как и у нас, это была книга Елены Молоховец. А еще смешно, когда дочь учит маму, а не наоборот, как у нас. Но что поделать? Женщины в этой России страх как эмансипированы.

Вот, к примеру: вязание, вышивание, занятия макраме – все это прекрасно успокаивает нервы. Тем не менее не всякая здешняя хозяйка станет этим заниматься. Когда я предложила маменьке заняться вязанием, при этом подразумевая, что я ее легко смогу этому научить, она обиделась:

– Маша! Я ведь от вас никуда уходить не собираюсь. Мне вас нужно вырастить, внуков дожидаться... Рано мне еще о Боге думать.

Оказывается, тут извечными женскими ремеслами занимаются только монахини! Тем не менее уговорить ее удалось. Подозреваю, что согласилась она на это с единственной целью: побольше побыть вместе с дочерью. Теперь часто сидит вместе со мной, учится вязать. Кому как, а в ее ситуации это самая лучшая психотерапия. Заодно на мозгоправах экономим. Мне это было привычно, а Василисе Егоровне – в новинку. Отвыкли здешние обитатели от простой жизни! Хотя, может быть, я и неправа. Взять хотя бы Ивана Кузьмича и моего братца Иванушку. Меня привела в состояние шока их неспособность забить хотя бы гвоздь. Оказывается, здесь так не принято. Есть развитый сервис, который за ваши деньги всегда готов сделать доброе дело всем нуждающимся. «Зачем париться самому, если достаточно оплатить предоставленные тебе услуги?» Я это часто слышала и в той жизни. Только я привыкла к тому, что мужчины не беспомощны. «А зачем кому-то платить деньги, если достаточно попросить своих мужчин?» Меня бесила привычка людей этого мира постоянно, по любому пустяку обращаться за помощью к совершенно посторонним.

Если мне нужно, то я умею быть занудной. Доставая постоянным нытьем Машиного отца и братца, я добила желаемого. Теперь, когда я заявляю, что один из них мне нужен как мужчина, они больше не воспринимают это как дикость, а молча идут и делают свое мужское дело. Кстати, им это настолько понравилось, что в скором времени они оккупировали лоджию и, прикупив разнообразный инструмент, превратили ее в мастерскую.

Когда Василиса Егоровна пыталась протестовать, я стала на их сторону, заявив:

– Мама! Должно же у наших мужчин быть что-нибудь святое в этой жизни!

Домашние уже давно со мной ни о чем не спорят, а лишь обсуждают возникшие проблемы. Вот и мать в итоге согласилась, что домашняя мастерская – это святое! Это то, что превращает мужчину из дикой обезьяны в цивилизованного человека.

Так и тянулась наша домашняя жизнь. После посиделок с мамой мы с Машей ложились спать. Правда, уснуть получалось не сразу. Меня постоянно мучал один и тот же вопрос: «Зачем все это? Кому это понадобилось?»

Судя по всему, вести спокойную и размеренную жизнь у меня не получится. Я так и буду влипать в истории и скандалы. Ну что тут поделать? Не вписываюсь я в этот мир! Мне многое здесь чуждо, незнакомо. Кое-что и вовсе неприемлемо. Самое противное, что это не только мои проблемы. Маша – вот заложница ситуации. Благодаря мне, она уже стала белой вороной, и это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.